

Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро

ЖИЗНЬ И ЭПОХА

Подробная биография, составленная
Дилаго Кхьенце Ринпоче,
и другие истории

Перевод под руководством
Дзонгсара Кхьенце Ринпоче, Джигме Кхьенце Ринпоче
и Оргьена Тобгьяла Ринпоче

**Дилго Кхьенце Ринпоче
Оргьен Тобгьял Ринпоче
Джамьянг Кхьенце Чокьи
Лодро. Жизнь и эпоха
Серия «Самадхи (Ганга – Ориенталия)»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713134
Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро. Жизнь и эпоха:
ISBN 978-5-907432-59-8*

Аннотация

В первой половине книги представлены неформальные истории из жизни Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро, его учителей, учеников, друзей и родственников, которые собрал и пересказал Оргьен Тобгьял Ринпоче и которые издаются на западных языках впервые. Во второй части представлена подробная духовная биография Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро, написанная одним из самых близких и талантливых его учеников – Дилго Кхьенце Ринпоче.

Содержание

Предисловие	5
Вступительное слово переводчиков на английский язык	20
Вступительное слово Дзонгсара Джамьянга Кхьенце Ринпоче	31
Вступительное слово Оргьена Тобгьяла Ринпоче к русскому изданию	39
Вступительное слово переводчика русскоязычного издания	45
Воспоминания о Ринпоче	48
Вступление	51
1. Ранние годы Кхьенце Чокьи Лодро	83
2. Монастырь Кхатог	90
3. Монастырь Дзонгсар	100
4. Регент монастыря Кхатог	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

**Дилго Кхьенце Ринпоче,
Оргъен Тобгъял Ринпоче
Джамьянг Кхьенце Чокьи
Лодро. Жизнь и эпоха**

© English translation, 2017 by Dzongsar Jamyang Khyentse

© А. Мушкин. Перевод на русский язык, 2020

© ООО ИД «Ганга». Издание на русском языке, оформление, 2022

Предисловие

В биографии Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро, составленной Дилго Кхьенце Ринпоче, который являлся его учеником, есть один примечательный эпизод. Речь идёт о том, как в возрасте пятнадцати лет Чокьи Лодро прибыл в монастырь Дзонгсар, основную резиденцию его предыдущей реинкарнации – Джамьянга Кхьенце Вангпо (1820–1892). Помещение, в котором ему предстояло поселиться, носившее название «Сад бессмертия», было хоть и небольшим, но обладало особой атмосферой благословения, поскольку именно в нём Кхьенце Вангпо провёл последние годы своей жизни, медитируя, наставляя учеников и давая им посвящения. Когда молодой тулку оглядывал свою будущую комнату, его учитель Кхатог Ситу (1880–1925) указал жестом на трон Кхьенце Вангпо и положил перед ним подушку для молодого тулку. «Было бы неправильно, если бы ты сразу уселся на трон великого Кхьенце Вангпо, – сказал Ситу. – Это было бы всё равно что пустить пса спать на кровать».

Само сиденье было простым и непритязательным, но, вне всякого сомнения, это был настоящий трон – символ длительного пребывания в этом месте самого Кхьенце Вангпо, несущий на себе печать его духовной силы. Того, что Чокьи Лодро был признан его реинкарнацией, было недостаточно. Ему предстояло доказать своё право занять это великое свя-

ценное место. Тот факт, что ему удалось это сделать в довольно короткое время, не должен вводить нас в заблуждение по поводу того, насколько сложной была эта задача.

Джамьянг Кхьенце Вангпо был великим лидером, который стал вдохновителем и наставником для целого поколения духовных искателей. Вместе с Джамгоном Конгтрулом Лодро Тхае (1813–1899) и другими единомышленниками он способствовал трансформации духовной жизни в Кхаме (регион Восточного Тибета), распространяя движение *риме* (внесектарный подход к Дхарме), которое Джин Смит позже назвал «лучшим украшением» эпохи возрождения Дхармы XIX века. Кхьенце Вангпо был признан перерождением одного из малоизвестных мастеров школы сакья, которая позже всех других школ приняла систему перерождающихся тулку. Он обучался у ста пятидесяти мастеров всех традиций. Ещё в молодости он совершил путешествие по Тибету, пытаясь получить как можно больше редких исчезающих учений. Вернувшись из путешествия, он занялся составлением сборников полученных учений, издавая их в виде больших коллекций текстов, что позволило бы сохранить эти драгоценные аутентичные источники. Он и сам был достаточно плодовитым автором, и в наши дни широкой известностью пользуются его многочисленные молитвы устремления, ритуальные тексты и наставления по медитации, подробные энциклопедические комментарии, исторические очерки о тибетской традиции Дхармы, а также о святых местах и

монастырях. Помимо этого он являлся открывателем сокровищ терма, включая те из них, что были обнаружены им вместе с другими тертонами, в том числе Чокгьюром Деченом Лингпой (1829–1870). Эти терма стали источником многих популярных ритуалов, а сам Кхьенце Вангпо был признан одним из пяти великих тертонов Тибета.

К концу своей жизни у Кхьенце Вангпо было несколько десятков близких учеников, следовавших разным традициям. После его паринирваны было обнаружено семь перерождений, что само по себе служит знаком его духовной силы и влияния. Частично такое необычное множество перерождений объяснялось тем, что несколько его ближайших учеников распознали перерождение своего учителя одновременно. Вполне логично, что тот тулку, который оставался в монастыре Дзонгсар, обладал особым статусом. Однако ситуация сильно усложнилась, когда тулку, считавшийся в монастыре официальным, – Джамьянг Чокьи Вангпо – неожиданно умер во время своего пребывания в монастыре Дзогчен в 1908 году (по некоторым источникам – в 1909-м).

Это трагическое событие привело к тому, что Кхьенце Чокьи Лодро – тулку, который изначально должен был принять на себя заботу об одном из близлежащих монастырей провинции Кхатог, прибыл в монастырь Дзонгсар. Подобная замена у многих вызывала вопросы, поэтому Кхатог Ситу не особенно торопился отправить мальчика в дорогу. Однако он всё же сделал это, следуя уговорам своего двоюродного

брата Келсанга Дордже, который являлся хранителем сокровищницы Кхьенце Вангпо. Он сильно болел и был практически на пороге смерти, поэтому решил обратиться к Кхатогу Ситу и написал ему письмо, в котором выразил опасения, что смерть Джамьянга Чокьи Вангпо и его собственная кончина могут привести к тому, что в монастыре Дзонгсар больше не будет линии Кхьенце Вангпо. Приводя в качестве аргумента самую, связывавшую их с общим учителем, фактически не оставил Кхатогу Ситу выбора. Так сложилась ситуация, когда Кхьенце Чокьи Лодро был вынужден стать основным тулку Кхьенце Вангпо в монастыре Дзонгсар, будучи человеком «со стороны».

Этот вызов он встретил достойно и довольно скоро доказал, что по праву заслуживает подобной чести. Все тулку Кхьенце, как и положено, прошли через серьёзный процесс обучения, однако Кхьенце Чокьи Лодро был особенно прилежным и старательным. В его биографии упоминается о его склонности серьёзно относиться ко всему, чем он занимался. В частности, говорится о том, насколько почтительно и заботливо он относился к своему пожилому учителю Кхенчену Тхубтену Ригдзину Гьяцо. Практически сразу же по прибытии в монастырь Дзонгсар он был готов принять на себя обязанности своего великого предшественника.

Одной из основных тем, затронутых в намтаре Кхьенце Чокьи Лодро – традиционной биографии великого реализованного мастера или просветлённого существа, в которой

основное внимание уделяется его благим качествам и подробностям пути к просветлению, – является его вклад в идеи и видение его предшественника Кхьенце Вангпо. Дилго Кхьенце рассказывает, что Кхьенце Чокьи Лодро точно так же, как и его предшественник, стремился получать учения у мастеров различных традиций. Невообразимо длинный список полученных (а позже и переданных) им учений подтверждает тот безграничный энтузиазм, с которым он относился ко всем аспектам Дхармы. (Это также является эффективным напоминанием о том, какими раньше были духовные учителя в Тибете: чтобы стать гуру, от них требовалось много больше, чем создать вебсайт и провести удачную кампанию по самопродвижению.) Что касается визионерских переживаний Кхьенце Чокьи Лодро, то, точно так же как и в случае с его предшественником Кхьенце Вангпо, их участниками были мастера и божества всех традиций индийского и тибетского буддизма. Если же взглянуть на список его учеников, то становится ясно, что он обладал не просто колоссальным влиянием, но также распространил его за пределы границ отдельных духовных традиций, не говоря уже о том, что среди его учеников были и влиятельные миряне, включая даже самых высокопоставленных правителей.

Биография, подготовленная Дилго Кхьенце, напоминает по структуре биографию Кхьенце Вангпо, которую составил Джамгон Конгтрул. Она разделена на две основные части, затрагивающие обычные и особые аспекты жизни Кхьенце Чо-

кьи Лодро. «Обычная» биография упоминается как «внешняя», в то время как особая разделена на «внутреннюю» и «тайную». Подобная классификация – внешнее, внутреннее и тайное – довольно распространена в тибетской биографической литературе. Джамгон Конгтрул объясняет это так:

Внешний намтар включает описание [деяний], которые доступны восприятию обычных существ, нуждающихся в обучении. Внутренний намтар включает описание уникальных аспектов персональных духовных переживаний самого мастера. Тайный намтар включает описание особых аспектов, недоступных восприятию обычных людей.

В тексте Дилго Кхьенце по большей части представлена внешняя часть биографии Кхьенце Чокьи Лодро. Она разделена на семь частей, последовательно описывающих: его рождение и признание тулку; принятие им разнообразных обетов; его образование; практику медитации; то, как он сам стал давать учения и передачи; его участие в различных проектах на благо существ; а также его смерть (паринирвану) и связанные с ней ритуальные действия. Подобная последовательность изложения событий может показаться строго хронологической, но это не делает рассказ истории жизни Кхьенце Чокьи Лодро сухим перечислением следующих друг за другом фактов. Однако нет в ней и захватывающих описаний драматических событий, таких как полное трудностей путешествие по Гималайскому региону. По сути, весь

текст представляет собой изложение истории жизни с позиции гармоничного сочетания лежащего за пределами отдельной эпохи архетипа ученика, становящегося в свою очередь гуру для других духовных искателей, и необходимостью эффективно взаимодействовать с ситуациями, определяемыми конкретной эпохой и соответствующими обстоятельствами.

Внутренняя часть биографии посвящена визионерским переживаниям Кхьенце Чокьи Лодро и связана с «Восемью великими колесницами линии передачи» – важной системой классификации традиции риме, которую она позаимствовала у Тренгпо Тертона Шераба Осэра (1518–1584). Эта часть также опирается на личные воспоминания Кхьенце Чокьи Лодро, на основе которых Дилго Кхьенце описывает его внутренние переживания. Более подробно эта тема затронута в тайной биографии Кхьенце Чокьи Лодро, автором которой является Кхенпо Кунга Вангчуг (1921–2008). Однако и в работе Дилго Кхьенце содержится несколько характерных историй, благодаря которым мы узнаём, что даже чтение текста определённого автора может послужить триггером для возникновения визионерских переживаний. Так, однажды, во время прогулки в горы над Дарджилингом, откуда можно было полюбоваться рассветом, Кхьенце Чокьи Лодро вспомнил, что горный хребет Утайшань, который был известен тем, что там медитировал великий мастер дзогчен Вималамитра, находится на востоке, куда был направлен его взгляд. Его сердце наполнилось преданностью, и он тут же

увидел этого великого йогина, скользившего к нему по лучам света.

В тайной биографии Дилго Кхьенце уделяет основное внимание ваджрному поведению Кхьенце Чокьи Лодро, которое в традиции тантры называется «активность, углубляющая реализацию», а также его решению создать союз с духовной супругой (что является важным аспектом такого поведения). В Тибете женатые духовные учителя не были исключительным явлением, особенно учителя школы ньингма, однако, учитывая, что Кхьенце Чокьи Лодро был мастером *всех* традиций и к тому же перерождением Кхьенце Вангпо, который всю жизнь соблюдал целибат, подобное решение было встречено многими в штыки. С целью развеять все опасения своих учеников он написал им письмо, которое Дилго Кхьенце полностью включил в свою книгу. Тем не менее, по словам Оргьена Тобгьяла Ринпоче, даже после этого в некоторых кругах всё ещё раздавался ропот неодобрения. Но всё же большинство учеников Кхьенце Чокьи Лодро отреагировали на эту новость с энтузиазмом, надеясь, что женитьба пойдёт на пользу его здоровью и продлит ему жизнь. К тому же со временем его жену Церинг Чодрон признали и стали почитать как *дакини* – воплощение просветлённой мудрости и энергии в женской форме.

В своей книге Дилго Кхьенце цитирует высказывания самого Кхьенце Чокьи Лодро, источником которых послужили его личные дневники, краткая биография и другие тексты.

Из описаний Дилго Кхьенце можно узнать много интересного о привычках, заботах, повседневных делах Кхьенце Чокьи Лодро, а также о том, что вызывало его неодобрение. В некоторых местах Дилго Кхьенце добавляет свои комментарии, обращаясь к читателям напрямую, подчёркивая таким образом то, что он считает наиболее важным. Главной темой, которой в биографии уделено особое место, безусловно, является внесектарное движение риме.

Дилго Кхьенце недвусмысленно указывает на тот факт, что традиция риме не прервалась после того, как в конце XIX века ушли из жизни её основатели, что она продолжилась благодаря активности Кхьенце Чокьи Лодро и других мастеров. Например, уже в самой первой главе после перечисления предыдущих перерождений Кхьенце Чокьи Лодро он рассказывает о Джамгоне Конгтруле, Чокгьуре Дечене Лингпе, Джу Мипаме (1846–1912) и других ключевых фигурах движения риме, задавая таким образом канву всей книге. В реальности движение риме не просто сохранялось: оно довольно активно развивалось, переходя от одного поколения мастеров к другому. И если основатели риме в большей мере занимались поиском учений разных традиций, создавая бесценные собрания текстов, посвящённых практике буддизма, то на плечи их последователей легла обязанность передавать их дальше. Вдобавок к этому многие мастера второго поколения также посвятили себя развитию классических образовательных учреждений в монастырях. Сре-

ди множества проектов, осуществлённых Кхьенце Чокьи Лодро, в этой связи можно упомянуть основание им духовного университета (*шедра*) в монастыре Дзонгсар. Шедра Кхамдже (как она была названа) была открыта в 1918 году и вскоре стала играть огромную роль в развитии монашеского образования в Восточном Тибете.

В первые декады XX столетия произошло значительное увеличение числа подобных учебных заведений в рамках школ тибетского буддизма – ньингма, сакья, кагью и других. Наиболее выдающимся мастером, внёсшим большой вклад в развитие монастырской образовательной системы, являлся Шенпен Нангва, больше известный как Кхенпо Шенга (1871–1927), который основал несколько шедр и был назначен главой шедры Кхамдже. Выдающийся и влиятельный учёный, он создал образовательную программу традиции риме, взяв за основу «тринадцать основных трактатов» и свои комментарии к ним. Позже выпускники Кхамдже сами стали известными учителями и также основали новые образовательные учреждения.

В то время как Шенга основное внимание уделял работам индийских авторов, новое поколение мастеров риме проявили интерес также к текстам, составленным тибетскими философами. Например, в образовательных учреждениях школы ньингма большое внимание уделялось комментариям Джамгона Мипама, часть которых были составлены им по прямой просьбе Кхьенце Вангпо. В университетах сакья,

таких как шедрa в Дзонгсаре, с наибольшим уважением относились к таким авторам, как Горампа Сонам Сенге (1429–1489), чьи работы в Тибете были долгое время запрещены. Лишь благодаря усилиям Джамьянга Гьялцена (1870–1940), одного из главных учеников Шенги, эти работы были изданы заново, сыграв важную роль в сохранении традиции сакья.

Подобная активность со временем стала вызывать опасения в определённых кругах школы гелуг, последователи которой считали себя главным оплотом традиционных буддийских наук. Среди основных критиков движения риме был Пабонкапа Дечен Ньингпо (1878–1941), который выступал против публикации работ Горампы, поскольку в них отрицались идеи Цонкапы Лобсанга Драгпы (1357–1419), основателя школы гелуг. Пабонка считал внесектарный подход неверным и запрещал своим ученикам следовать учителям других школ. Подобный косный консерватизм, безусловно, угрожал развитию внесектарного движения, но это была не единственная опасность. Даже та уверенность, основанная на интеллектуальном понимании, которая установилась благодаря развитию образовательных учреждений, отчасти способствовала периодическому возвращению к старым разногласиям. Движение риме отличалось тем, что всегда сохраняло определённый баланс разных точек зрения – сохраняло и развивало отдельные традиции, относясь к каждой из них с надлежащим уважением. Этот период тибетской истории лишь продемонстрировал то, насколько хрупким и уяз-

вимым был подобный подход.

Сам Кхьенце Чокьи Лодро считал основание шедры Кхамдже одним из самых важных своих достижений и, как говорят, особенно радовался тому, что сумел привлечь на место главы этого университета Кхенпо Шенгу. Он также приложил немало усилий к переизданию работ Горампы. В соответствии с его пожеланиями выпускники шедры отправлялись в другие учебные заведения региона, чтобы получить звание кхенпо. Когда рядом с его резиденцией в монастыре Дзонгсар было построено новое алтарное помещение, он настоял, чтобы в нём были установлены статуи Мипама, Горампы и Цонкапы. Среди его работ мы можем встретить восхваление ведущих мастеров всех школ. В своих действиях и литературных сочинениях Кхьенце Чокьи Лодро всегда держался выше межсектарных различий и предубеждений. Дилго Кхьенце охарактеризовал это так: «Его взгляды всегда соответствовали духу риме».

Однако это вовсе не означает, что он пребывал в блаженном неведении относительно всех тех разногласий, которые присутствовали между разными школами. Несмотря на то что Кхьенце Чокьи Лодро обычно определял подобные проблемы как «издержки времён упадка», на самом деле они его заметно расстраивали. Однажды в 1955 году он даже охарактеризовал ситуацию с буддизмом в Тибете как «отчаянное положение», посетовав небольшой группе учеников на то, что некоторые современные учителя пребывают в заблужде-

нии. «Даже те, кто считает себя сведущими и учёными, – сказал он, – недоброжелательно относятся к учениям Будды и используют логику и цитаты из священных текстов как инструмент для укрепления своих предрассудков по отношению к другим школам и традициям». Дилго Кхьенце приводит эту речь перед описанием отбытия Кхьенце Чокьи Лодро из монастыря Дзонгсар в паломничество, которое со временем превратилось в изгнание. Это подразумевает, что подобное разочарование могло стать причиной решения покинуть монастырь. Дилго Кхьенце пишет, что к тому времени Кхьенце Чокьи Лодро уже осуществил всё задуманное и предчувствовал скорые трагические события.

Биография Кхьенце Чокьи Лодро была составлена в начале 1960-х годов, сразу же после его ухода из жизни в 1959 году в Сиккиме. Это было сложное и неопределённое время для всех тибетцев. Для большинства первых читателей, пытавшихся в те годы приспособиться к новому укладу жизни в изгнании, эта книга стала вдохновляющим и успокаивающим напоминанием о том, какими исключительными качествами обладал их любимый учитель. Намтар – это всегда нечто большее, чем просто документальный отчёт о жизни человека, какой бы захватывающей она ни была; намтар всегда раскрывает более широкую перспективу, он рассказывает историю пути к освобождению. Биография, составленная Дилго Кхьенце, открыто рассказывает о великом мастере – о временах, когда он был учеником и когда сам стал

учителем, о том, как он посвятил свою жизнь преодолению предубеждений и развитию способности воспринимать все буддийские традиции, а также все феномены, опираясь на чистое видение. В то же время в ней содержится и скрытый смысл – она составлена как руководство для всех, кто хотел бы последовать примеру Кхьенце Чокьи Лодро.

Нам гораздо легче понять и оценить эту биографию и её главное послание благодаря включённым в эту книгу замечательным историям Оргьена Тобгьяла Ринпоче, почерпнутым им из традиции устной передачи, хранителем которой является. Эти истории отличаются откровенностью, юмором и харизмой, благодаря чему становятся украшением этой книги, красочно раскрывая нам особенности персонажей, упоминаемых Дилго Кхьенце, и помогая понять многое, что иначе могло бы остаться незамеченным. Нам, читателям этой книги, очень повезло, что в неё добавлены эти истории (и это стало возможно лишь благодаря исключительной памяти Оргьена Тобгьяла), и поэтому мы от всего сердца испытываем искреннюю благодарность. Кроме того, мы выражаем признательность и уважение Дзонгсару Кхьенце Ринпоче, который обратился к Оргьену Тобгьялу с просьбой поделиться с нами этими историями и координировал весь проект издания этой удивительной книги. Будем надеяться, что благодаря изданию этой биографии множество людей вдохновятся историей жизни Кхьенце Чокьи Лодро – мастера, вышедшего за пределы ограничений отдельных

традиций, который стал не просто наследником Джамьянга Кхьенце Вангпо, но и продолжателем его славных дел. Заняв его священный трон, он укрепил репутацию своего предшественника и сыграл существенную роль в формировании тибетского буддизма в том виде, в каком мы его сегодня знаем.

Адам Пирси

Вступительное слово переводчиков на английский язык

Прошло более пятидесяти лет с того момента, как Дилго Кхьенце Ринпоче последовал просьбе Кхандро Церинг Чодрон и составил намтар своего любимого учителя Джамьянга Чокьи Лодро. С тех пор духовное наследие Джамьянга Чокьи Лодро распространилось по всему миру – в таких краях, о которых сам он даже не слышал. И вот однажды за обедом в своём доме в Бире Дзонгсар Кхьенце Ринпоче озвучил мысль о том, что, возможно, пришло время для того, чтобы ныне живущие последователи Джамьянга Чокьи Лодро смогли прочитать историю его жизни на родном языке, и прежде всего необходимо перевести её на английский язык.

Дилго Кхьенце Ринпоче обладал множеством удивительных качеств, в том числе искусством составлять литературные тексты. Его работы принесли ему широкую известность; сам Кхьенце Чокьи Лодро отзывался о нём как об одном из величайших тибетских авторов своего поколения. Вне всякого сомнения, его близкие ученики уверены в том, что глубина и красота литературного стиля Ринпоче целиком и полностью объясняются его совершенной реализацией. Все они утверждают одно и то же: Ринпоче писал много, но у него никогда не было нужды прилагать для этого особые усилия.

Слова возникали спонтанно, каскадом слетая с его языка или пера, лились, словно полноводная река. Поэтому группу переводчиков волновали два главных вопроса: «С какой стороны подступиться к этому тексту?» и «Возможно ли это в принципе – переложить тибетский текст в неподражаемом литературном стиле Дилго Ринпоче на английский язык?».

Стремясь облегчить задачу группе переводчиков, Дзонгсар Кхьенце попросил совета у двух своих близких друзей, которые являлись первопроходцами в искусстве переложения тибетских текстов на современные языки, – Джигме Кхьенце Ринпоче и Тулку Пема Вангьяла Ринпоче.

Джигме Кхьенце Ринпоче сразу заявил: «Основное внимание следует уделить тому, чтобы верно передать смысл. Вначале проследите, чтобы были переведены все тибетские слова, вне зависимости от того, насколько странными будут казаться их английские эквиваленты. Лишь после того, как вы будете уверены, что полностью донесли смысл каждого отдельного слова, можно приступить к работе над общим литературным стилем. В результате текст должен читаться так, как будто изначально был составлен на английском языке, – не оставляйте его в таком виде, который можно было бы назвать „ни то ни сё“. Старайтесь перевести как можно больше тибетских слов буквально, но если такой подход будет вредить общему смыслу и делать текст нечитаемым, откажитесь от него. Окончательный текст должен быть написан на хорошем английском языке».

Вдобавок к этому практическому совету по переводу Пема Вангьял Ринпоче порекомендовал нам перед началом работы зарождать вдохновение, обращаясь с молитвой к Дилго Кхьенце Ринпоче, представляя его нераздельным с Манджушри. «Помните, – сказал он, – все эти бесчисленные книги, пылящиеся на полках библиотек по всему миру, которые никто никогда не читает, были написаны учёными, которые не руководствовались в своей работе устремлением бодхичитты. И чтобы этот перевод был приятен для чтения и принёс читателям пользу, он должен нести в себе именно такое устремление. Обычный технический подход, опирающийся исключительно на интеллект, тут не сработает. Устремление – вот что вам нужно, потому что именно устремление раскрывает ваш внутренний мир. А потом вам надо собраться с мужеством и взяться за перевод – находить нужные слова, прилагая реальные усилия, основанные на искреннем отречении и мужестве, необходимом для того, чтобы передать заложенный в тексте смысл».

Пема Вангьял Ринпоче также рекомендовал нам фокусировать всё своё внимание на работе, не допуская отвлечений, когда мы занимаемся переводом или редактированием. По завершении работы он посоветовал нам посвящать все заслуги просветлению всех живых существ. «Если вы будете поступать подобным образом, – сказал он, – то ваша работа превратится в духовную практику, и тогда, сколько бы времени она ни заняла, она, несомненно, пойдёт на пользу жи-

вым существам».

Джигме Кхьенце Ринпоче объяснил нам правила цитирования тантр. Он считал, что слова должны переводиться как можно точнее и ближе по значению к оригиналу – «дословно – так, как они есть», поскольку нет никакой уверенности, насколько будет соответствовать смыслу «вольный» перевод. Он объяснил нам, что в тибетском языке тантрическая терминология приукрашивается поэтическим стилем, да так, что порой даже сами тибетцы не могут понять смысл написанного. Обученные грамоте тибетцы вполне могут прочесть этот намтар, а некоторые из них даже оценят изящество стиля, но лишь единицы способны понять заложенный в нём глубокий смысл. Именно поэтому в Тибете люди обычно полагаются на комментарии. Поэзия на любом языке всегда звучит немного загадочно, поэтому смысл строк на английском языке может показаться неочевидным, точно так же, как и в тибетском оригинале. Если читатели действительно заинтересуются значением приведённых цитат, то всегда могут попросить объяснений у своих учителей.

Ещё одним элементом поэтического стиля, который Дилго Кхьенце Ринпоче применил в этом тексте, является использование возвышенных фраз и оборотов, служащих для того, чтобы особо подчеркнуть выдающиеся качества или события. В тибетском литературном языке такие обороты звучат величественно, но при дословном переводе на другие языки могут потерять это своё качество. Для того чтобы не

усложнять читателям восприятие текста и позволить историям разворачиваться более свободно, мы решили по возможности упрощать подобные тибетские обороты. Поэтому, например, фраза, которая дословно звучала бы как «когда расцвёл цветок его главных и второстепенных знаков», переведена как «когда он родился». Однако мы не приняли такой подход как обязательное правило, и многие фразы сохранили своё торжественное звучание, отдавая должное оригиналу. Мы надеемся, что это не сильно усложнит восприятие перевода.

Принимая во внимание все полученные советы, мы старались держаться настолько близко к оригиналу, насколько это возможно. Если мы сталкивались с местами, смысл которых не могли понять, то обращались за помощью к Дзонгсару Кхьенце Ринпоче, Оргъену Тобгьялу Ринпоче, Джигме Кхьенце Ринпоче, Тулку Пема Вангьялу или Кхенпо Сонаму Таши, и если никто из них не давал нам исчерпывающего объяснения, то по совету Дзонгсара Кхьенце Ринпоче мы осознанно оставляли смысл как есть – неоднозначным.

Тем не менее наша работа не всегда была связана с подобными трудностями: были в ней и моменты полной ясности. Например, по совету Джигме Кхьенце Ринпоче мы перевели фразу *thugs rje yas sprul* как «проявление чистого сострадания», и это была очень удачная находка, которая в том числе способствовала полёту нашего воображения.

В другой раз Дзонгсар Кхьенце Ринпоче помог нам улуч-

шить довольно неказистый перевод вступительного слова:

Пример твоего несравненного жизненного пути,
столь же редкого, как цветок удумбара,
Проникает в Джамбудвипу подобно свету солнца и луны.

«Проникает? – засомневался Ринпоче. – Он, скорее, там как бы распространяется. Есть какое-то слово ближе по смыслу?» Он разлил на столе стакан воды: «Вот, вода разливается... беспрепятственно... без каких-либо усилий со своей стороны... как поток... а о свете как сказать?». Тогда мы придумали такое решение:

Пример твоего несравненного жизненного пути,
столь же редкого, как цветок удумбара,
Струится в Джамбудвипе подобно
потоку света солнца и луны

Современный мир очень практичен. Чтобы точно определять, о ком мы говорим, нам приходится ограничиваться обозначением каждого человека одним конкретным именем. Джон Смит всегда будет оставаться Джоном Смитом, или даже просто Джоном, или мистером Смитом. Однако литературный стиль, свойственный тибетскому языку, в этом отношении гораздо более креативен, поэтому великие учителя могут обладать дюжиной, а то и сотней различных имён. Эта традиция уходит корнями в индийскую культуру, но слу-

жит вовсе не для того, чтобы обозначать действующих лиц повествования. Для жителей Древней Индии могущество и влияние человека определялось количеством его имён.

Будучи преданным сторонником движения риме, Дилго Кхьенце Ринпоче выполнял практики всех традиций тибетского буддизма. Он также делал всё возможное для того, чтобы имена малоизвестных мастеров не стирались из памяти практикующих. Поэтому в своих книгах он часто упоминает эти имена – как полные, так и общепринятые их сокращения. К сожалению, в наши времена культурологические обычаи сильно изменились, и, случись нам увидеть где-то упоминание о том, что кто-то пил чай с графиней Эдинбургской, мало кто из нас поймёт, что речь идёт об английской королеве Елизавете Второй. Учитывая все эти обстоятельства, мы решили не использовать слишком много разных имён, а где нам всё же пришлось это сделать, о ком идёт речь, будет ясно из контекста.

Мы также не стали составлять глоссарий, и это было наше осознанное решение. В тибетском языке каждое слово имеет множество разных значений, которые зависят от контекста и предполагаемых читателей, что делает бессмысленными все попытки присвоить каждому слову одно-единственное значение. Например, было бы проще всего перечислить в глоссарии «пятерых царственных тертонов», но ведь в каждой традиции их список различается. В некоторых местах мы намеренно оставляли истинный смысл неочевидным, по-

сколькy его объяснения можно получить лишь напрямую от учителей либо они заняли бы столько места, что пришлось бы издавать их отдельным томом. Поэтому если у читателей возникнет желание прояснить непонятные места текста, то лучшим источником информации будет их собственный учитель. Кроме того, в наши дни в интернете в свободном доступе существует множество достоверных источников информации, в которых читатели могут найти всю необходимую информацию, например *rigpawiki.org* и *rywiki.tsadra.org*.

В тибетской письменной традиции текст не делится на абзацы, параграфы, не содержит оглавлений и перечней, как это принято в западной литературе. Те оглавления и списки, которые вы встретите в этой книге, добавлены редакторами англоязычного издания, с тем чтобы облегчить чтение западному читателю. Поскольку Дилго Кхьенце предполагал, что его читателями будут в основном хорошо образованные монахи, то часто использовал аббревиатуры названий цитируемых текстов, которые должны были быть им хорошо известны. Тех читателей, кто, как и мы сами, не может похвастаться классическим тибетским образованием, такие сокращения просто сбивали бы с толку, поэтому мы решили присвоить каждому тексту одно-единственное название. Однако нам не всегда удавалось понять, какой текст имеет в виду Ринпоче. Например, Тугдруб Дроло (тиб. *thugs sgrub gro lod*), «Сердечная практика гневной формы гуру», может быть одной из множества аналогичных практик, но какой именно – по-

нять невозможно. Когда мы решили обратиться за помощью к Дзонгсару Кхьенце Ринпоче, ожидая, что он по крайней мере сможет сделать авторитетное предположение, – ведь кому ещё можно доверить подобное – он, однако, выразил мнение, что было бы не очень мудро «строить догадки и засоряя ими важный текст».

В тексте Дилго Кхьенце Ринпоче часто использует литературный оборот, который буквально можно перевести как «и так далее». Если снова вспомнить, что Ринпоче ожидал от своих читателей определённого уровня образованности, то не всегда полностью приводил какой-нибудь список или классификацию и не всегда давал развёрнутые определения, считая это прописными истинами. Вместо этого он обрывал абзац кратким «и так далее», что могло означать, что существует более подробное изложение данной темы или что в списке есть другие пункты. Это могли также быть «и тому подобное», «и другие» или «и прочее». После длительных размышлений и дискуссий мы решили придерживаться оригинального текста как можно ближе и тоже использовали аналогичные обороты.

Если бы нас не поддерживала бесстрашная мудрость Дзонгсара Кхьенце Ринпоче, его убеждённость, решительность и безграничная интуиция, этот перевод был бы попросту невозможен. Он был центром, вокруг которого мы смогли сплотиться, он создал идеальные условия для работы и всегда с готовностью отвечал на вопросы. Он прочитал все

временные редакции книги, всегда направлял и поддерживал нас – даже тогда, когда был занят другими делами настолько, что не было даже времени на отдых. Проработав над этим текстом десять лет, мы пришли к окончательному выводу, что Дзонгсар Кхьенце Ринпоче сам является живым воплощением Джамьянга Чокьи Лодро и Дилго Кхьенце. Не найти таких слов, чтобы выразить то, насколько мы благодарны ему за возможность участвовать в этом проекте и самим стать свидетелями того, каким бывает настоящий будда.

Дзонгсар Кхьенце Ринпоче также вдохновил на участие в этом проекте некоторых блистательных учёных Дхармы Будды, принадлежащих к линии Кхьенце. Среди них Джигме Кхьенце Ринпоче, Тулку Пема Вангъял Ринпоче и Оргьен Тобгьял Ринпоче. Мы искренне благодарны всем этим мастерам за их щедрость и терпение, за готовность поделиться своими глубокими знаниями и мудростью.

Группа переводчиков также выражает благодарность всем участникам проекта, помогавшим советами на протяжении всей работы над книгой. Среди них – Согьял Ринпоче, Кхенпо Сонам Таши, Тензин Дордже, Пема Мая, Джинг Рюй, Патрик Гаффни, Филип Филиппу, Адам Пирси, Андреас Шульц, Ринзин Вангмо, Гьюрме Авертин, Хейнс Новотни, доктор Роберт Мэйер, Грег Форгиус, Раджи Раманан, Прашант Варма, Вулстэн Флетчер, Дженни Кейн, Флоренс Кох, Кейт Миллар, Матье Рикар, все члены ретритного центра «Дзогчен Беара» (Dzogchen Beara Retreat Centre), изда-

тельства «Шамбала Пабליкейшнз», Мэгги Вестхейвер, Пит Фрай, Волкер Денкс, Миламарпа (доктор Лю), Лама Нгодруб, Лаура Лопес, Таши Церинг, Руфь и Шераб Гьялцен, Пема Вангьял и Джига Шеньенцанг.

Друбгью Тензин Ринпоче,

Кхенпо Сонам Пхунцог,

Дженни Шульц,

февраль 2016

Вступительное слово Дзонгсара Джамьянга Кхьенце Ринпоче

Существует тибетская поговорка о том, что одни люди очень любят подражать другим и что те, у кого это лучше всего получается, обычно и являются самыми талантливыми. Подобное мнение основывается на вере тибетцев в то, что можно достичь освобождения, подражая стилю жизни и чертам характера великих существ. Что же лежит в основе такой идеи? Во-первых, одной из характерных черт человеческих существ является то, что мы гораздо легче подвергаемся влиянию, чем любые другие виды живых существ. Может быть, именно поэтому в буддизме считается, что человеческое рождение является драгоценным. Во-вторых, в тибетской литературе есть разные виды историй; те истории, которые никак не связаны с великими существами, считаются «неправдоподобными» (*друнг*) или «невнятными» (*там*), в то время как биографии великих существ называются «несущими освобождение» (*намтар*). Поэтому тибетцы и верят, что если прочесть о великих существах и подражать им, то можно достичь освобождения.

Эта книга как раз и представляет собой подобный намтар – биографию одного из великих мастеров тибетского буддизма. Это был человек настолько исключительных качеств, что

сейчас, когда с момента его ухода прошло всего пятьдесят лет, уже с трудом верится, что такой индивидуум вообще когда-либо существовал, хотя в подобном случае «верить» или «не верить» – зависит скорее от стабильности нашего вечно мечущегося ума. Представьте себе, например, как выглядит наш стиль жизни для тех людей, которые будут жить через тысячу лет. То, что нам кажется само собой разумеющимся и даже скучным, тысячелетие спустя уже будет казаться сказочной жизнью.

Без сомнения, мы все хорошо понимаем, что нечто, кажущееся обычным одному человеку, может показаться очень странным другому, и поэтому неудивительно, что образ жизни великих существ выглядит очень необычным для таких обусловленных заблуждениями существ, как мы. Мы похожи на светлячков, которые твёрдо уверены, что ярче, чем они, светиться невозможно, и потому не способны воспринимать ослепительный свет солнца. Однако, если мы стремимся следовать примеру Царевича из рода Шакьев, у нас нет выбора: нам необходимо научиться и постичь то, что обычно для нас непостижимо.

Намтар великого существа, который содержится в этой книге, составлен другим великим существом – Кьябдже Дилго Кхьенце Ринпоче. В наше время всё ещё живы люди, которые встречались с ним лично и были свидетелями событий его удивительной жизни. Однако в то, что рассказывают о нём люди, сейчас всё труднее поверить. Например, нам мо-

гут показаться элементами мифа истории о том, сколько дел он успевал переделать за день.

Вам когда-нибудь приходило в голову, что мог бы рассказать один будда о другом, что они думают друг о друге? Как они между собой общаются? Как один будда описал бы другого? Конечно, никто из нас не может знать, что это такое – быть буддой; о том, каково это, может рассказать лишь сам будда. Но сам будда вряд ли станет на эту тему распространяться. Подобные явные подробности могут заинтересовать лишь таких людей, как мы, – тех, кто не обладает способностью постичь то, что непостижимо. И не следует заблуждаться: *будда* и есть то, что совершенно непостижимо.

Кхъенце Чокьи Лодро и Кьябдже Ринпоче оба являлись великими существами. Это означает, что нам предоставляется возможность узнать, что одно великое существо думает о другом. Для этого нам достаточно лишь прочесть этот намтар. Вдобавок к этому мы узнаем много нового и получим ответы на важные вопросы. Например, почему так называемая биография наполнена бесконечными списками полученных и переданных учений, которые ещё к тому же снабжены перечислением тысяч имён никому не известных лам, божеств и дакини? Кто все эти люди? Почему самая простая активность описывается с помощью таких мудрёных терминов и украшена целым орнаментом возвышенных эпитетов? И почему то, что определяется как «история жизни», гораздо меньше внимания уделяет тому, каким человеком был

Кхьенце Чокьи Лодро?

В традиции ваджраяны от нас требуется воспринимать своего гуру как совершенного будду. Но поскольку никто из нас никогда не встречал будду, то мы понятия не имеем, как выглядит будда, и даже не понимаем, что значит быть буддой. И несмотря на то, что, выполняя практику, мы в конце концов приходим к пониманию значения гуру, большинству из нас слишком не терпится, нет сил так долго ждать. Так что мы можем для этого сделать прямо сейчас? Просто прочитать этот намтар и увидеть то, как великий мастер – в данном случае это Дилго Кхьенце Ринпоче – воспринимал как будду своего гуру Кхьенце Чокьи Лодро. Уже одно это оправдывает повсеместное употребление конструкций превосходной степени.

В традиционном намтаре обычно описывается полный путь к просветлению, и, поскольку этот намтар составлен таким выдающимся мастером, мы можем достичь просветления, просто прочитав его. Но если случится так, что вам станет скучно от чтения, если все эти подробности и неуместные в обычных книгах повторы начнут вас раздражать, то этому есть лишь одна причина – ваша способность постигать непостижимое пока ещё недостаточно развита. Ведь даже такая пустяковая деталь, как список полученных или переданных учений, помогает нам понять, что эти два мастера считали более приоритетным.

Даже если вы не стремитесь достичь освобождения, если у

вас вызывает интерес эволюция человека, то этот намтар вас точно заинтересует, поскольку отражает все главные ценности жизни Тибета XIX–XX веков. На примере этого намтара мы также можем сделать вывод о том, что представляет собой типичный тибетский бестселлер.

1893 год был весьма насыщен событиями. В Шотландии был основан футбольный клуб «Данди»; в Южной Африке молодой юрист Махатма Ганди осуществил первые акты гражданского неповиновения, отстаивая права народа Индии; в Санкт-Петербурге умер Пётр Ильич Чайковский; произошёл крах на Нью-Йоркской фондовой бирже; Верховный суд США официально объявил помидор овощем. А ещё в этом году в маленькой деревне, в дальнем уголке восточной части страны, закрытой от чужеземцев, страны, спрятанной за вершинами самой удивительной и труднопреодолимой горной гряды, родился Кхьенце Чокьи Лодро.

1910 год был не менее насыщен событиями. Далай-лама XIII сбежал от китайцев и нашёл пристанище в Британской Индии; в Португалии была свергнута монархия и объявлена первая португальская республика; родился японский режиссёр Акира Куросава; умер знаменитый русский писатель Лев Толстой; земля пролетела через хвост кометы Галлея; родился Кьябдже Дилго Ринпоче.

Таким образом, и автор, и герой этой книги – оба родились в Тибете, который также называют Страной снегов. Оба они стремились помогать всем страдающим живым суще-

ствам, и каждое их деяние было направлено на сохранение благословений всех линий передачи, чтобы сберечь и распространять учения Будды. Прошли десятилетия, а плоды их усилий до сих пор позволяют нам практиковать Дхарму в Париже, Берлине, Нью-Йорке и других городах по всему миру. Те, кто прежде не имел никаких шансов встретиться с учениями Будды, сейчас с радостью разделяют его идеи.

Чтение намтара такого выдающегося человека приносит пользу сразу на нескольких уровнях. Как минимум в намтаре прямо заявляется, что, несмотря на то что наш мир переполнен бесчисленными самовлюблёнными потребителями, которые ничего не видят дальше кончика собственного носа, в нём всё ещё рождаются великие сострадательные мудрецы, а значит, у человечества ещё остаётся надежда.

Поскольку ограниченное мировоззрение не позволяет понять идею, выходящую за пределы всех ограничений, нам следует развивать открытость и гибкость ума. К сожалению, большинство так называемых продвинутых людей обладают исключительно ограниченным мировоззрением. Не обладая способностью зародить веру в то, что действительно заслуживает доверия, ум современных людей настолько зациклен, что просто не может принять что-то, что ему кажется «невероятным». Для таких людей попытки понять принципы реинкарнации и проявления – то же самое, что продеть небо в игольное ушко.

Однако существуют и такие люди, чья готовность экспе-

риментировать, накопленные ранее заслуги и острый ум позволяют им по крайней мере не отрицать сходу то, что выглядит как непостижимое. Таким людям тот факт, что автор этой биографии Дилго Кхьенце Ринпоче и её главное действующее лицо Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро были единым целым, может показаться крайне интригующим. Однако найдутся среди читателей и те, кто, будучи похож на сов, что обычно с неприязнью относятся к солнечному свету, не смогут принять этот факт. Единственное, чем мы можем помочь таким людям, – это практиковать по отношению к ним сострадание.

Кхьенце Чокьи Лодро пишет в комментарии к собственной гуру-йоге, что истинным гуру является наша природа будды; что если мы накопим достаточно заслуг, то отражение нашей собственной природы будды проявится как гуру в человеческом облике. Если наш последовательный и логичный – и в силу этого ограниченный – ум сможет переварить подобную абсурдную новость, то, возможно, мы сможем понять, как могут одновременно существовать сразу несколько проявлений одного и того же будды. И если по своей сущности они являются одним и тем же индивидом, то кто способен описать жизнь Кхьенце Чокьи Лодро лучше, чем Дилго Кхьенце Ринпоче?

Всю свою жизнь Оргьен Тобгьял Ринпоче собирал истории о Кхьенце Чокьи Лодро. Однако он не записал ни одну из них – просто хранил в своей памяти, которая была огром-

ной, словно слон. Поэтому в одну из зим, находясь в Бире, я провёл несколько дней, выпытывая у него всё, что он запомнил. Честно говоря, я просто отказывался вставать с кресла, в котором сидел, до тех пор, пока мой диктофон не записал всё, что он мог рассказать по этой теме. Именно с этих историй начинается книга. Поэтому тем, кому езда на ослике нравится больше, чем гонки на «Феррари», – то есть тем, кому Ринпоче-человек интересен не меньше, чем Ринпоче – великий мастер, – лучше начать именно с этих историй.

*Дзонгсар Джамьянг Кхьенце Ринпоче, Восточный Бутан,
ноябрь 2015*

Вступительное слово Оргъена Тобгьяла Ринпоче к русскому изданию

По просьбе Ирины – одной из основных благотворительниц Дхармы Будды в России, с которой я хорошо знаком, – я записал это небольшое послание в качестве вступительного слова к русскому изданию биографии Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро. Несколько лет назад Дзонгсар Кхьенце Ринпоче попросил меня рассказать те истории о видьядхаре Кхьенце Чокьи Лодро, которые я успел собрать за долгие годы. Позже эти истории были включены в книгу *The Life and Times of Jamyang Khyentse Chökyi Lodrö: The Great Biography by Dilgo Khyentse Rinpoche and Other Stories*.

Сейчас эта книга переведена на русский язык, и меня попросили сказать несколько слов о ней для русскоязычных читателей. Я буду краток, поскольку все подробности уже содержатся в самой книге.

Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро был коренным учителем моего отца, и благодаря этому мне повезло получить от него множество посвящений, учений и сущностных наставлений о природе ума. Поэтому я считаю его и своим коренным учителем, и неудивительно, что с самого своего детства я испытывал искренний интерес ко всему, что было связано с его

жизнью. Я постоянно расспрашивал о нём разных близких к нему людей, собирая таким образом истории о его жизни. Не будет преувеличением сказать, что я провёл настоящее исследование всей его жизни. Из-за того что я сам получал у него множество учений, а также собирал всю доступную о нём информацию, меня много раз просили поделиться этими историями с другими.

Мне сразу же хотелось бы обратить внимание читателей на тех людей, от кого я услышал все эти истории о жизни Кхьенце Чокьи Лодро. Это, прежде всего, Ваджрадхара Дилго Кхьенце, Третий Нетен Чоклинг Пема Гьюрме (мой отец), Чагдзо Цеванг Палджор, Кхандро Церинг Чодрон (духовная супруга Кхьенце Чокьи Лодро), Таши Намгьял и многие другие. Все они были близко связаны с этим великим мастером и проводили с ним много времени. Поэтому именно их я постоянно расспрашивал о его жизни.

Я трижды посетил монастырь Дзонгсар, где разговаривал со многими учениками Кхьенце Чокьи Лодро, сопоставляя их истории с теми, что уже слышал. Я также поговорил со многими тибетскими ламами, живущими в Индии, которые проводили с ним много времени в его последние годы.

Отдельно мне хотелось бы упомянуть Гонгна Тулку, который умеет описывать жизнь великих учителей особенно ярко. При этом он рассказывает обо всём непредвзято и без предубеждений – ничего не смягчая, не приукрашивая и не преувеличивая. Он провёл с Кхьенце Чокьи Лодро много

лет, и его подробные рассказы стали одним из главных источников историй, собранных в этой книге. Мне бы также хотелось упомянуть Певара Тулку, от которого я получил множество посвящений, передач и наставлений, когда он жил в Бире. Он также проводил много времени с Кхьенце Чокьи Лодро, поэтому я постоянно обращался к нему за уточнениями и объяснениями. Я постоянно задавал вопросы и духовной супруге Кхьенце Чокьи Лодро – Церинг Чодрон.

Все те истории, что я рассказал Дзонгсару Кхьенце Ринпоче, я узнал от них, и именно эти истории вошли в книгу. Он попросил меня ничего не приукрашивать, ни о чём не умалчивать и... не «привирать». И могу поклясться – я не привираю! Зачем мне это?! Ну, была бы от этого хоть какая-нибудь польза – я бы, может быть, и приврал. Почему бы нет?! Но в данном случае от неправды никому не будет никакой пользы – она не принесёт никакого блага, она не послужит какой-либо благородной цели!

Всё, что я рассказываю, я рассказываю в соответствии с тем, как я сам услышал и понял все эти истории. У меня нет дара ясновидения, а потому я и не берусь утверждать, что все они на сто процентов достоверны, как достоверны на сто процентов учения Будды. Стопроцентная уверенность может быть лишь у тех, кто являлся очевидцем событий, описанных в этих историях. Я во время этих событий не присутствовал и просто пересказываю свидетельства очевидцев. Соответственно, я и не буду давать читателям стопроцент-

ную гарантию, что всё рассказанное является чистой правдой. Стопроцентную гарантию я могу дать лишь в том, что сам я непоколебимо уверен, что всё происходило именно так, как и описано.

У меня есть копия книги, в которой содержатся мои истории, переведённые на английский язык. Сам я по-английски читать не умею, но люди говорят, что все истории переведены слово в слово, как я их рассказал. Поэтому можно смело утверждать, что эта книга несёт в себе истинное благо и может принести огромную пользу читателям.

В чём же заключается польза от этой книги? Читая эту книгу, мы получаем возможность установить связь с духовным учителем, чья жизнь в ней описана, а это может стать причиной зарождения в нашем уме желания достичь духовного освобождения. Чтение подобных историй, позволяющих устремиться к освобождению, может стать для нас источником уверенности, которая позже может перерасти в веру, а та в свою очередь может стать импульсом для зарождения преданности, без которой невозможно получить благословение учителя. Читатели могут задаться вопросом – что это за благословение такое и зачем оно нужно? Благословение учителя – это то, что позволяет нашему уму прийти в состояние покоя – естественное состояние, в каком пребывает ум самого учителя. Пребывая в этом естественном состоянии, мы сможем постичь природу своего ума – дхармакаю.

Мне очень приятно, что теперь эта книга станет доступ-

на и на русском языке. В этой книге не содержится никаких опасных эзотерических тайн, которые не предназначены для глаз широкой публики. В ней нет ничего, что могло бы нанести живым существам хоть какой-то вред! Видьядхара Кхьенце Чокьи Лодро в действительности был самым Манджушри, проявившимся в человеческом облике, и поэтому даже его тайная биография несёт лишь благо всем, кто её прочтёт. Более того, эта книга наделена силой привести к освобождению любого, кто её прочтёт или прослушает.

В молитвах устремления часто содержится следующее пожелание:

Пусть любой, кто установит связь с духовным учителем – будь то в силу благих своих деяний или дурных, – обретёт как временное благо, так и высшее.

Эта книга может быть особенно полезна членам различных дхарма-центров, которые следуют учениям Будды и обладают искренней верой в них. Однако и тем, кто не имеет никакого отношения к Дхарме, она может принести немало пользы. Даже если они будут воспринимать истории, вошедшие в эту книгу, как сказания и притчи, подобное чтение поможет их уму стать более открытым, послужит для них источником удовольствия и радости и позволит на время избавиться от стресса.

Вот и всё, что я хотел сказать. Я искренне сорадуюсь завершению работы по подготовке русского издания этой книги. Пусть она послужит во благо! По правде говоря, у меня

нет никаких сомнений, что так оно и будет!

Таши Делег!

Оргьен Тобгьял

Вступительное слово переводчика русскоязычного издания

Прежде всего я хотел бы попросить прощения за все допущенные мной при переводе ошибки, описки и неточности. Работать с текстами, в которых описывается жизнь выдающихся духовных учителей, всегда очень непросто. А в данном случае ситуация усложняется ещё и тем, что Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро является не просто великим мастером тибетского буддизма, но также последователем внесектарного подхода риме. Это означает, что для того, чтобы безошибочно перевести хотя бы просто названия всех циклов, сводов, садхан, сокровищ терма, наставлений и посвящений, огромное количество которых перечисляется в его биографии, необходимо самому быть экспертом во всех школах тибетского буддизма, коим я, к сожалению, не являюсь. Тем не менее я добросовестно приложил все усилия, чтобы не исказить названия бесчисленных текстов, которые к тому же позже прошли скрупулёзную проверку редактора и корректора. Однако некоторые ошибки и неточности наверняка остались незамеченными. Я уверен, что эта книга выдержит множество переизданий, поэтому обращаюсь с просьбой к последователям всех школ тибетского буддизма присылать мне обнаруженные ошибки на электронную почту

antonmuskin@yandex.ru.

Далее мне хотелось бы поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой.

Я никогда бы не разобрался с тонкостями многочисленных буддийских церемоний, ритуалов, посвящений, торжественных мероприятий, традиционных тибетских празднеств, а также уклада монастырской и мирской жизни тибетцев без помощи одного из моих учителей – Лопона Церинга Гонпо, кхенпо шедры Шри Сингха монастыря Дзогчен, который терпеливо разъяснял мне особенно трудные для понимания моменты.

Я глубоко признателен Ирине Мащицкой, сумевшей по моей просьбе уговорить Оргьена Тобгьяла Ринпоче, который является рассказчиком историй, вошедших в первую часть этой книги, составить специальное вступительное слово для русского издания. Я уверен, что лучше него самого никто не смог бы убедить русскоязычных читателей в том, что эта книга несёт в себе исключительно благо, какое всегда возникает из преданности и чистого видения.

Особую благодарность мне хотелось бы выразить Анне Зильман, которая буквально спасла меня, переведя это вступительное слово с тибетского языка (Ринпоче прислал его не в виде традиционного письма, а просто наговорил в форме видеосообщения в мессенджере, и сам на слух я бы его ни за что не перевёл!).

Я также благодарен Сергею Иванникову, который и по-

советовал мне обратиться к Анне, когда я уже совсем было потерял всякую надежду узнать, что же сказал нам в своём вступительном слове Ринпоче.

И, конечно же, я искренне признателен Александру Нариньяни, редактору серии «Самадхи», который, несмотря на свою занятость, всегда выделял время, чтобы помогать мне с правильным русским написанием тибетских терминов, топонимов и личных имён, которых в этой книге великое множество.

Что касается самой книги, то, на мой взгляд, она принадлежит к той очень редкой категории книг, которые либо вызывают полное неприятие, либо становятся сердечным сокровищем, с которым уже не расстаёшься до конца жизни.

Антон Мускин

Воспоминания о Ринпоче Оргъен Тобгъял Ринпоче

Джамьянг Кхьенце Лодро. Цуглакханг в Дворцовом монастыре в Гангтоке, Сикким, конец 1950-х гг. *Фото предоставлено лабрангом Кхьенце*

Вступление

Одним зимним днём – это было в 2010 году – Дзонгсар Кхьенце Ринпоче Тхубтен Чокьи Гьяцо (ныне живущий тулку Дзонгсара Кхьенце Ринпоче) подобно урагану ворвался в мой дом в Бире и потребовал рассказать ему всё, что я когда-либо слышал о Джамьянге Кхьенце Чокьи Лодро. «Мы решили перевести на английский язык „*Великую биографию*“, – сказал он, – и хотим добавить к ней коллекцию историй, которые ты знаешь о Кхьенце Чокьи Лодро. Поэтому давай-ка расскажи всё, что ты когда-либо о нём слышал, – и хорошее, и плохое. Да смотри ничего не утаивай!» Он удобнее устроился в кресле, включил диктофон и скомандовал: «Поехали!».

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЭТИ ИСТОРИИ

Прежде всего следует рассказать о том, как появились эти истории.

Я был ещё юнцом, когда впервые встретил Кхьенце Чокьи Лодро и установил с ним дхармическую связь. Мой отец, Третий Нетен Чоклинг Пема Гьюрме Гьяцо, доверял ему целиком и полностью. Для него Ринпоче был не просто исключительно драгоценным учителем – он являлся его коренным гуру. Моя мать, Цеванг Палдрон, воспринимала его точно

так же, и точно так же воспринимали его Лама Путце, Вангчен Дордже и все домочадцы, включая меня самого. На протяжении всего своего детства я ощущал сильнейшую преданность Ринпоче. Я ощущаю её и теперь. С годами я также проникся уважением к его ученикам, родственникам, помощникам и членам его семьи. Все мы очень сблизились за это время. Когда мы собираемся вместе, то почти всегда разговор переходит на воспоминания о Ринпоче, и именно от его близких друзей и соратников я узнал истории о Кхьенце Чокьи Лодро¹. Мы всегда называли его просто «Ринпоче».

Дилго Кхьенце как-то раз признался мне, что Ринпоче сам велел ему составить свою биографию: «Я уйду раньше тебя, и после этого тебе придётся взять на себя ответственность за составление моей биографии». Затем он открыл сундук и достал оттуда стопку бумаг, завёрнутую в красную парчу. Он собирался передать свёрток Дилго Кхьенце, но тот всё никак не мог оправиться от потрясения при упоминании об уходе учителя, он просто не мог смириться с подобной мыслью. Вместо того чтобы принять свиток, он начал дрожать.

«В этих бумагах излагается краткая история моей жизни», – сказал Ринпоче, всё ещё протягивая свиток Дилго

¹ Оргьен Тобгьял пояснил: «Множество историй, которые я от них услышал, можно также обнаружить в традиционных биографиях, например в намтаре, составленном Дилго Кхьенце, который называется „Великая биография“, в стихотворной автобиографии, которую Чокьи Лодро составил по просьбе Дилго Кхьенце, в „Тайной биографии“ и краткой биографии, составленной самим Ринпоче для перечня биографий мастеров устной линии передачи Тангтонг Гьялпо».

Кхьенце. Однако тот так и не смог заставить себя принять его. Позже он очень сожалел, что поступил подобным образом, потому что Ринпоче после этого случая больше не предлагал ему забрать эти бумаги. Он описал эту ситуацию в намтаре Ринпоче, который, как тот и предсказывал, довелось после ухода учителя составлять именно ему.

Третий Нетен Чоклинг Ринпоче и его жена Цеванг Палдрон. Фото предоставлено Оргьеном Тобгьялом Ринпоче

Через много лет мой дядя Оргьен заезжал в лабранг в монастыре Дзонгсар и обнаружил большую связку бумаг, среди которых были и рукописи Ринпоче. Я точно не знаю, были

ли в этой связке все его рукописи, одно могу сказать точно – там был список умерших, за которых его просили помолиться. В итоге это собрание бумаг перешло к моей семье, а затем Певар Тулку передал его Кхенпо Кунге Вангчугу, который все их прочитал и сделал точные копии. Затем Певар Тулку распорядился сделать ксилографы, и все записки Ринпоче были изданы в виде отдельного текста, получившего название «Тайная биография». Позже мы все тщательно изучили этот текст и заметили, что в нём пропущено несколько лет, что могло означать одно из двух: либо в эти годы Ринпоче не делал записей, либо часть их была уничтожена в монастыре, когда Тибет подвергся китайской оккупации.

Что бы я сейчас ни рассказал – это не стоит рассматривать как подробности, которые не вошли в другие его биографии, и, честно говоря, я и не старался рассказать что-то подобное. С точки зрения современного человека, некоторые из рассказанных мною историй могут показаться совершенно бесполезными, но все эти истории – просто такие, как есть, только и всего. И, как говорится в сутрах и тантрах, воспоминания о гуру, медитация на нём приносит огромную пользу. Поэтому я уверен, что пересказ историй, описывающих различные аспекты жизни Ринпоче, которые хранились в нашей памяти последние пятьдесят лет, в любом случае нельзя определить как *бесполезные*.

Дзонгсар Кхьенце Тхубтен Чокьи Гьяцо просил меня не преувеличивать и обойтись без обмана – ничего не выдумывай.

вать. Но справедливости ради надо сказать, что в этом нет никакой необходимости! Обман необходим лишь в том случае, когда у нас благие намерения, когда это может помочь другим. А иначе какой в нём толк? Вообще никакого. И в то же время я не могу сказать, что на сто процентов уверен, что ни одна моя история не содержит преувеличений или выдумок. Так же как нет у меня абсолютной уверенности в том, что и традиционные биографии Ринпоче не могли быть в той или иной степени приукрашены. В конце концов, единственный, кто может подтвердить свидетельство очевидца, – это сам очевидец. Поэтому правдивость того, что мы слышим из уст пересказчиков, остаётся исключительно на их совести. И поскольку люди любят пересказывать интересные истории снова и снова, я не могу ручаться, что те, что слышал я, не были приукрашены в соответствии с предвзятостью тех, кто их рассказывал. Но я хотел бы повторить ещё раз – у меня не было и тени намерения распространять ложь и выдумки. Какая мне самому была бы от этого польза?

Дилго Кхьенце

Впервые я встретил Дилго Кхьенце в 1964 году, когда мне было двенадцать лет. С тех пор я проводил с ним по несколько месяцев каждый год до самой его паринирваны в 1991 году. Его коренным гуру был несравненный Шечен Гьялцаб Гьюрме Пема Намгьял, поскольку именно он озна-

комил Дилго Кхьенце с потенциалом внутреннего осознания. Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро был его вторым коренным учителем, и Дилго Кхьенце о нём частенько рассказывал. За это время он сообщил нам много интересного о том, как Ринпоче вёл себя в повседневной жизни. Сам он никогда не заводил подобные разговоры, однако, если кто-нибудь затрагивал эту тему, он с готовностью рассказывал о Ринпоче разные истории любому, кто проявлял искренний интерес. Но, честно говоря, я не думаю, что Ринпоче делал это исключительно ради того, чтобы порадовать слушателей; было очевидно, что он и сам очень любит поговорить о своём учителе.

Дилго Кхьенце Ринпоче, фотостудия в Лхасе. *Фото предоставлено архивом монастыря Шечен*

Третий Нетен Чоклинг Ринпоче. *Фото предоставлено
лабрангом Кхьенце*

Третий Нетен Чоклинг

То же самое можно сказать и о моём отце – Третьем Нетене Чоклинге. Если у него с кем-либо заходил душевный разговор, то тема всегда переходила на обсуждение Ринпоче. Истории отца были пронизаны выражением его искренней

преданности Ринпоче, его чистого восприятия их особых взаимоотношений учитель – ученик, но в целом их вряд ли можно рассматривать как первоисточники, поскольку он никогда не жил в монастыре Дзонгсар достаточно долго, чтобы стать очевидцем описываемых им событий.

Чагдзо Цеванг Палджор

В молодости я трижды совершал путешествие в Сикким. Мой первый визит совпал по времени с уходом из жизни Гьялтона Тулку, и тогда же я впервые встретил Чагдзо Цеванга Палджора. Мой отец и я остановились в номере 4 отеля короля Сиккима, где каждый день имели возможность общаться с человеком, который назвался личным секретарём предыдущего воплощения Кхьенце. Большинство наших знакомых, включая бывших помощников *лабранга*, как казалось, немного настороженно относились к Цевангу Палджору. Мой отец ничего подобного не чувствовал, и поэтому мне представилась возможность расспросить Цеванга Палджора о Ринпоче. Я узнал от него столько интересного, что в следующие свои два визита в Сикким обязательно навещал его, чтобы снова послушать.

Чагдзо Цеванг Палджор. Фото предоставлено Согьялом Ринпоче (личная коллекция)

Кхандро Церинг Чодрон

Кхандро была исключительной личностью. Она была совершенно не похожа на других людей, с которыми я познакомился на протяжении своей жизни, – ни до, ни после встречи с ней. Она была настоящей дакини. Однако сама она не об-

ращала никакого внимания на тех людей, которые выказывали ей особое уважение и преданность. Они всячески старались воспринимать её на уровне чистого видения и, возможно, заслуживали её симпатии и особого отношения, но в действительности они этим лишь раздражали её, и она едва замечала их существование. Но в то же время она по-простому общалась с теми, кто, казалось бы, ничем этого не заслуживал, и была к ним очень добра.

Ни для кого не было секретом, что ко мне она тоже была благосклонна. Я мог сидеть в её присутствии, и она сама угощала меня остававшимися после трапезы блюдами, которые были предназначены исключительно для неё. А когда уходили все посторонние, она щедро делилась со мной историями, известными ей одной.

Однажды, будучи в Сиккиме, я провёл в доме лабранга около четырёх месяцев и каждый день встречался с Кхандро за трапезой. Утром, часов в десять, она угощала меня домашним сладостями, которые пекла сама. Помощники лабранга в то время хорошо между собой ладили, а Таши Намгьял был близким другом Кхандро. Иногда по воскресеньям Апе Дордже и его сестра приезжали в Гангток, чтобы купить мяса, и такие дни Кхандро проводила с ними. Часто к ним присоединялся и Лама Ринчен Шераб, который был довольно стар и потому ходил согнувшись, в также Лама Гонпо Цетен, и тогда все они устраивали веселье – много шутили, пели и танцевали. В те времена я часто задавал Кхандро бес-

конечные вопросы о Ринпоче. Я не оставлял её в покое даже во время наших визитов в Бодхгаю (как-то раз мы провели там вместе около месяца). И самые первые истории о Ринпоче я услышал именно от неё.

Кхандро Церинг Чодрон. Фото предоставлено архивом

Апе Дордже (слева) и Кхандро Церинг Чодрон (в центре) с Шерабом Палденом около дворца в монастыре Гангток, Сикким. Фото предоставлено лабрангом Кхъенце

Таши Намгьял

Таши Намгьял был сыном Друмо Цанга и сблизился с моей семьёй настолько, что мы воспринимали его практически

как одного из нас. Я пытался помогать ему, делясь с ним деньгами и заступаясь за него, когда это требовалось. Мы дважды ездили вместе в Кхам, а также раза четыре (или даже пять) – в Гонконг и на Тайвань. Он был неторопливым и очень расслабленным, а стоило дать ему чашку сладкого чая – и из его рта проливался целый поток историй, который порой не прерывался до самого позднего вечера. Мои помощники сетовали, что, когда я провожу время с Таши Намгьялом, я так сосредоточиваюсь на его рассказах, что ни о чём другом и знать не хочу.

Лама Гонпо Цетен

Лама Гонпо Цетен не был похож на ламу: он производил впечатление выдумщика. Но в действительности он никогда никому не врал – напротив, он был серьёзным практикующим. Он испытывал искреннюю преданность к Дешунгу Тулку и Кхьенце Чокьи Лодро. Это была такая преданность, какая обычно рождается в результате полного осознания благих качеств учителя. Он считался исключительно сведущим учеником, хорошо разбиравшимся в философии, но я не знаю, насколько это соответствовало действительности. Я могу точно сказать лишь то, что он хорошо знал текст «Слова моего всеблаготворного учителя», основные положения текста «Путь и плод», а также несколько существенных наставлений дзогчен. Это был один из тех практикующих, кто

пробует выполнять соответствующую практику после каждого полученного учения.

Таши Намгьял, помощник Кхьенце Чокьи Лодро. *Фото предоставлено лабрангом Кхьенце*

Лама Гонпо Цетен. *Фото предоставлено Шерабом Гьял-
ценом*

Лама Чогден (Джамьянг Лодро Чогден), помощник Кхьенце Чокьи Лодро, *чопон*. Фото предоставлено лабрангом Кхьенце

Мы провели вместе три недели в Сиккиме, и выяснилось, что он может многое рассказать о Ринпоче. Поэтому, когда позже Шераб Гьялцен, Лама Гонпо Цетен и я встретились

в монастыре Кангьюра Ринпоче в Дарджилинге, я попросил Ламу Гонпо Цетена рассказать о Ринпоче побольше.

Чогден

Чогден был помощником Ринпоче во второй половине его жизни. Он много беседовал о Ринпоче с моим отцом, когда мы путешествовали на озеро Цо Пема. Именно тогда я узнал от него множество новых историй. Через несколько месяцев после возведения на трон Янгси Ринпоче Тхубтена Чокьи Гьяцо (Дзонгсар Кхьенце Ринпоче) Чогден навестил нас в Бире и пробыл в нашем доме несколько месяцев. Это была прекрасная возможность расспросить его о Ринпоче подробнее. Однако он обладал довольно специфическим характером, был немного замкнут и не спешил открыто обо всём рассказывать, как это обычно делали Таши Намгьял и другие.

Раконг Сотра

Раконг Сотра был правителем Хора и некоторое время был одним из помощников Янгси Ринпоче (Дзонгсар Кхьенце Ринпоче). Он отличался определённой аристократичностью и никогда не допускал в разговоре вольных тем, поэтому от него было невозможно услышать истории о том, каким

был Ринпоче в своей повседневной жизни.

Раконг Сотра, Сикким, вторая половина 1960-х гг. *Фото предоставлено лабрангом Кхъенце*

Дядя Оргъен

Для иностранцев доступ в Тибет был открыт в конце 1980-х годов, и тогда я смог впервые посетить монастырь Дзонгсар. Позже я побывал там ещё несколько раз. Там я впервые встретил своего дядю Оргъена и многих других монахов, которые были близки с Ринпоче.

Певар Тулку

Я также проводил много времени с Певаром Тулку, от которого получил множество посвящений, передач и наставлений. Когда нам доводилось разговаривать, Певар Тулку много рассказывал о Ринпоче. Но, несмотря на то что он достаточно подробно описывал свои переживания, связанные с отношениями гуру – ученик, в его рассказах не было подробностей о повседневной жизни Ринпоче, о его поступках, о том, как он практиковал и молился. Его истории ощущались так, как будто были выбиты в камне: каждый год он слово в слово повторял одно и то же. Даже тон его голоса и жесты рук оставались неизменными! Полагаю, он обладал совершенной памятью.

Кхенпо Кунга Вангчуг

Как только Кхенпо Кунга Вангчуг прибыл в институт Дзонгсар в Бире, все мы пришли его навестить и выразить своё уважение, поскольку испытывали по отношению к нему искреннюю преданность, причиной которой была его собственная преданность Ринпоче. Казалось, он был благословлён естественной преданностью. Мы все испытывали к нему самые тёплые чувства. Однако, несмотря на то что мы посто-

янно расспрашивали его о чём-нибудь интересном – особенно о Ринпоче, он всегда переводил тему на истории о щедре Кхамдже, о принятых там правилах и предписаниях и обо всех бесчисленных посвящениях, передачах и наставлениях традиции сакья – в основном из сборника «Собрание садхан», которые он получил. Он почти ничего не рассказывал о характере, качествах и поступках Ринпоче.

Кхенпо Ринчен

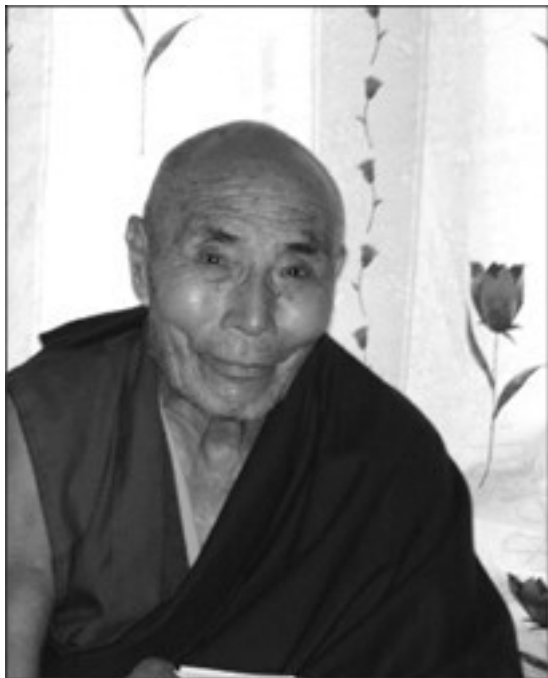
Кхенпо Ринчен был тем человеком, с кем я чаще всего разговаривал о Кхьенце Чокьи Лодро, и он всегда очень точно и подробно отвечал на все мои вопросы. Он много рассказывал о своих разговорах с Ринпоче в те времена, когда был его помощником в паломничестве по Тибету. Кхенпо подробно описал даже то, как они всякий раз выражали почтение каждому символу тела, речи и ума, встречавшемуся им на пути. Недавно я прочитал его собственную биографию, и в ней как раз содержатся все те истории, которые он рассказывал мне.

Тартанг Тулку Гелег

Будучи ещё совсем юным, Тартанг Тулку чувствовал, что ему во что бы то ни стало нужно получить учения в Деге. По-

этому он попросил у своего первого коренного учителя Тартанга Чогтрула Тхубтена Чокьи Давы разрешения туда съездить.

«Когда я был молод, я тоже ездил в Деге и принял от Кхатога Ситу сначала начальные монашеские обеты, а затем и полные, – ответил Тартанг Чогтрул. – От него же я получил множество посвящений и передач. Там я также получил передачу „Драгоценность учений терма“ от Пенора Ринпоче.

Кхенпо Кунга Вангчуг, 2004. *Фото предоставлено Филиппом Филиппу*

Тартанг Тулку, примерно 1958. *Фото предоставлено Тартангом Тулку, фотограф неизвестен*

Когда я оттуда уезжал, то пообещал себе, что снова вернусь сюда однажды, чтобы повидать своих учителей. И если я в чём-то и раскаиваюсь больше всего, так это в том, что так

и не смог выполнить это обещание.

Мастера, которые дают там учения в наши дни, скорее всего, не могут сравниться с теми, у которых учился я. Кхьенце и Конгтрул уже покинули нас. Остались, конечно, их ученики, например Кхатог Ситу и Шечен Гьялцаб. Кто знает, какими стали ламы в наши дни? Впрочем, должен быть кто-то, кто обладает необходимой квалификацией и от кого вполне можно получать учения. Да и говоря честно, если уж ты так серьёзно настроился поехать – а подобное путешествие должен хотя бы раз в жизни совершить каждый, – то я даю тебе своё благословение».

Тартанг Тулку рассказал мне, что встречал в Деге множество учителей, но никто из них не мог сравниться с Кхьенце Чокьи Лодро. Поэтому он решил остаться в монастыре Дзонгсар², где впоследствии получил множество посвящений и сущностных наставлений. Они с Ринпоче были очень близки, как, впрочем, и мы с ним самим, и благодаря этому я слышал немало интересного, включая то, как они развлекались играми.

Гонгна Тулку

Из всех, с кем мне когда-либо приходилось общаться, наиболее подробно жизнь учителей умел описать Гонгна Тулку.

² Тартанг Тулку прибыл в монастырь Дзонгсар в 1953 году и оставался там на протяжении двадцати лет.

Он никогда не проявлял предвзятость или предубеждение, никогда не преувеличивал и никого не критиковал. Даже его истории о повседневной жизни были так или иначе связаны с Дхармой и служили источником вдохновения для слушателей. Я часто с ним виделся. Честно сказать, когда ты видишь его воочию, то поначалу не ощущаешь особой преданности. Тем не менее мы оставались близкими друзьями на протяжении многих лет, и со временем я пришёл к выводу, что он настоящий учёный. Никто не мог точно сказать, достиг ли он духовной реализации, но с уверенностью можно утверждать, что он был держателем (и сохранял её в совершенной чистоте) линии передачи посвящений, передач и наставлений. Но, главное, он провёл в монастыре Дзонгсар много лет, причём одновременно с Ринпоче.

Те из нас, кто с уважением относились к Гонгна Тулку, старались быть ему полезны и постоянно ему во всём помогали. Мы провели с ним много времени в Непале и Сиккиме. Но я не могу утверждать с уверенностью, что помню всё, что он тогда мне рассказывал. Если бы только мне пришлось тогда в голову делать записи, мы сейчас знали бы о жизни Ринпоче намного больше, чем можно обнаружить в опубликованных биографиях.

Цеджор и Лопон Сонам Сангпо

Пожилой лама, которого звали Цеджор, из Ривоче, что

в Нангчене, близ монастыря Чоклинг в Восточном Тибете, написал книгу о времени, которое провёл с Ринпоче, будучи его помощником, с тех пор, как ему исполнилось восемнадцать, и до шестидесяти четырёх лет. В Деге ни для кого не секрет, что Цеджор был личным помощником Ринпоче почти всю свою жизнь, до самого момента, когда тот уехал в Лхасу.

Слева направо: Драяб Лама, Лама Кунга, Лама Чогден, Гонпо Цетен, Гонгна Тулку, Кхьенце Чокьи Лодро, Кадро Тулку, Таши Намгьял, Досиб Тхубтен, Друнгьиг Церинг. *Фото предоставлено лабрангом Кхьенце, фотограф Ради Еше*

Я был в Кхаме пять раз, и каждый раз заставал там Цеджора живым и здоровым, что позволяло мне снова и снова расспрашивать его о жизни Кхьенце Чокьи Лодро. Цеджор был

хорошим рассказчиком, и не хуже него в этом деле был дед Дзонгсара Кхьенце Ринпоче – Лопон Сонам Сангпо. Из всех живых существ, что бродили по этой земле под покровом ночного неба, никто бы не смог рассказать историю так искусно, как это получалось у Цеджора и Лопона Сонама Сангпо, – рассказать так, чтоб ум слушателей установился в такое комфортное состояние покоя. Они даже помнили точные даты событий, случившихся пятьдесят лет назад! Я помню, что задавал им бесконечное количество вопросов.

ЧТО ДАЁТ МНЕ ПРАВО РАССКАЗЫВАТЬ ИСТОРИИ О ЖИЗНИ ДЖАМЬЯНГА КХЬЕНЦЕ ЧОКЬИ ЛОДРО

Теперь следовало бы объяснить, почему я уверен, что могу рассказывать вам о жизни Кхьенце Чокьи Лодро. Если я этого не объясню, то те, кто считает, что они были с Ринпоче более близки, или полагает, что знает о нём гораздо больше, могут решить, что я проявляю заносчивость, возомнив, что могу рассказать им что-то, что они не знают сами. Как в той истории, где Миларепа сказал Речунгпе: «Я более близок с Типу Сангагом Донгпо, чем ты. У Ваджрайогини нет ученика лучше, чем я». Поэтому я начну с объяснения сложившейся ситуации.

В целом, когда лама появляется в этом мире, от него ждут, что он будет действовать на благо живых существ. Поэтому

ему следует давать учения и продолжать линию посвящений, передач и наставлений. Он таким образом осуществляет активность трёх сфер. Позже составляется его биография, чтобы подробно описать, как он осуществлял эти три вида активности Дхармы. Обладает лама высоким положением или низким, проявил он какие-либо знаки реализации или нет – в его традиционной биографии всегда перечисляются одни и те же события: рождение, отречение и обучение; список выполненных уединённых ретритов; степень реализации, определяющаяся по тому, как он осуществлял активности на благо существ, строя монастыри, образовательные учреждения и ретритные центры; как он установил систему регулярных друбченгов и ритуальных танцев; как он развивал доверенную ему линию посвящений и передач. Все эти обязательные пункты, которые содержит любая традиционная биография, делают их все очень схожими.

Лама Сонам Сангпо, дедушка Дзонгсара Кхьенце Ринпоче по материнской линии. *Фото предоставлено лабрангом Кхьенце*

В то же время другим аспектам жизни учителей не уделяется совершенно никакого внимания. Например, среди множества биографий Лонгченпы нет ни одной, где упоминалось бы о его росте и телосложении. Как выглядят современные ламы, всем известно. Если у какого-то ламы короткая

шая и внушительный живот, то, делая статую, его изображают с короткой шеей и округлым животом. Но в традиционных биографиях не найти ни описания внешности ламы или его характера, ни даже намёка на то, какой образ нам представлять. И главное, для утаивания подобной информации нет совершенно никаких причин. Лично я не считаю, что визуализацию ламы таким, какой он был в реальной жизни, можно считать помехой для созерцания.

Я помню одно исключение из общего правила – комментарий всеведущего Чокьи Нангва о том, как рисовать древо прибежища. В этом комментарии содержится подробное наставление о том, как рисовать всех мастеров линии передачи друкпа кагью – их внешность, одежду и даже выражения лиц. На мой взгляд, это и есть самый правильный подход.

Точно так же Минлинг Лочен включил в свои наставления о том, как рисовать *цагли* для посвящений цикла «Обобщённая сущность мудрости всех будд», включая описания внешности всех лам, в том числе Лонгчена Рабджама. Но современные авторы не признают их источники информации достоверными, что автоматически означает, что у нас нет возможности обращаться к оригинальным устным наставлениям и письменным работам, на которые опирался в своих наставлениях Минлинг Лочен. Однако он недвусмысленно описывает, что, например, у Сангдага Дробугпы лицо было красного цвета, что у него был второй подбородок и что именно так его голова и должна быть изображена. Само

это утверждение, без сомнений, указывает на то, что Минлинг Лочен пользовался достоверными источниками информации. Таким образом, совершенно очевидно, что подобные детали никак нельзя считать незначительными. Ведь сложилась же каким-то образом существующая система, согласно которой некоторые ламы изображаются с бритыми головами, а другие, например, с бородами. Но как именно она сложилась, мы не имеем никакого представления. Нам стоит придерживаться этой системы и впредь, следуя общепринятой традиции, но будет также очень полезно, если мы сможем в будущем изображать мастеров так, как они выглядели в реальной жизни.

Рабджампа Оргьен Чодраг, ученик Минлинга Терчена, провёл глубокое исследование жизни великого Пятого Далай-ламы и составил подробное описание его характера и повседневных поступков. Издание и распространение этого текста были запрещены на протяжении многих лет, но сейчас мне представилась возможность его прочесть, и я был просто поражён тем, насколько уникален этот текст. Оргьен Чодраг пишет, что, когда все официальные лица из окружения Пятого Далай-ламы, включая личного секретаря, отлучались по делам, он посылал своих помощников купать лошадей в пруду, который находился на заднем дворе дворца Потала. И если те не возвращались к чаепитию, то он сам готовил чай, произнося имя каждого помощника, когда разливал готовый чай по кружкам, чтобы приберечь для тех, кто опаздывал, их

порцию чая. Если это правда, то это характеризует Пятого Далай-ламу, духовного и официального лидера Тибета, как исключительно заботливого человека, уделявшего внимание каждой мелочи.

В современных книгах, например в работах Гендуна Чопела или Бабы Пхунцога Вангьяла, исторические фигуры описываются таким образом, что читателям не составляет труда представлять себе этих людей, которых они никогда не видели. Я уже давно размышляю о том, что если бы традиционные тибетские авторы биографий начали писать так, чтобы показывать великих мастеров как реально живших людей, то их истории жизни заиграли бы новыми удивительными красками. Жаль, что до сих пор никто этого не делал.

1. Ранние годы Кхьенце Чокьи Лодро

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Дилго Кхьенце признался мне, что, хотя мы и знаем, что Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро родился в год Змеи, точная дата его рождения нам неизвестна. Я, помню, был весьма удивлён этому обстоятельству и сразу же поинтересовался у него, как же так вышло, что родители Ринпоче, будучи людьми образованными, не догадались записать дату его рождения. Дилго Кхьенце ответил, что отец Ринпоче был великим йогином, но порой вёл себя совершенно непредсказуемо. Например, он не вёл никаких записей. Даже сам Ринпоче в автобиографии упоминал, что не знает даты своего рождения:

Родители мои были настолько беззаботными,
Что не вели записей,
Они не наблюдали ни за планетами, ни за звёздами,
Они не обращали особого внимания на вещие сны...
Да и ни на что другое тоже.

Однако нам доподлинно известно, что он родился в до-

лине Рекхе³, или Санген – «бесплодные земли». Рождение здесь имело как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, это было одно из четырёх центральных поселений Восточного Тибета, а с другой – эти места буквально кишели ворами, грабителями и мошенниками. Ринпоче всегда говорил, что местные жители были невероятно своевольны. Склоны гор, окружающих долину Рекхе, были настолько круты и непроходимы, что рождённый в долине телёнок, если отвести его по горным тропам в соседнюю долину и дать там подрасти, никогда бы не нашёл дороги назад. Что уж говорить о тех, кто здесь не жил, – постороннему было ни за что сюда не добраться. Вот каким представляется мне это место – оно было труднодоступное и негостеприимное. Говорят, что иногда эту долину признавали частью Деге, а иногда – местностью, которая к Деге не имела никакого отношения. Ходили многочисленные слухи о набегах на это поселение и ужасных убийствах, которые случались тут, когда нынешний *ньерна* [управляющий] Джаго Цанга был ещё молод.

Но как бы там ни было, именно здесь случилось родиться Кхьенце Чокьи Лодро, и его привычки во многом формировались здешним укладом жизни. Он, например, всю жизнь пил исключительно тот чай, к какому привык в детстве, и у него в сундуке всегда хранился прессованный брикет рекхинского чая, упакованный в чехол из чёрной кожи мускус-

³ Рядом с монастырём Кхатог.

ного оленя, который был сшит ещё в те времена, когда был жив Джамьянг Кхьенце Вангпо. Он обычно отламывал кусок от брикета, нёс его на кухню, растирал двумя камнями в порошок, смешивал с цампой, маслом и кипячёной водой, взбивал всё это, пока не получалась довольно густая масса, и разом всё выпивал – целую кружку залпом, за которой незамедлительно могла последовать и вторая, и третья, и даже четвёртая. Иногда он угощал таким чаем и Дилго Кхьенце.

«Это знаменитый чай по-сангенски, – с гордостью говорил Ринпоче. – Просто изумительно вкусно!»

Из этой истории становится ясно, что Ринпоче оставался верен по крайней мере одному сангенскому обычаю.

ОТЕЦ КХЬЕНЦЕ ЧОКЬИ ЛОДРО

Как рассказывал Гонгна Тулку, Ринпоче часто говорил: «Таких знающих мастеров, как мой отец и Второй Нетен Чоклинг Нгедон Друбпей Дордже, не сыскать среди нынешнего поколения практикующих. А уж сколько они получили посвящений и передач! Но при этом и нрав у них обоих был, скажу я тебе, – ни тот, ни другой сроду не задавались вопросом: „Позволительно мне такое или непозволительно?“».

Я решил уточнить, какие такие поступки отца мог подразумевать Ринпоче, говоря о «позволительном или непозволительном», и Гонгна Тулку объяснил, что отец Ринпоче мог запросто заставить жену поднести все свои украшения

из *зи*, коралла и разных драгоценных камней ламе (то есть ему самому), а затем распродать всё их имущество, включая палатку, домашнюю утварь и пожитки, поскольку ему пришлось в голову стать бездомным бродягой. «С этого момента и впредь, – заявлял он, – я решил вести жизнь странствующего аскета, не обременённого подобным барахлом». Однако через какое-то время он мог начать вести себя как важный лама – накупал палаток и заваливал их роскошными вещами, указывающими на его высокий статус. Он вёл себя так, как будто был помешан на богатстве и материальных ценностях, а если вдруг какие-нибудь воры из Гонджо или Рекхе угоняли у него скот, то он, недолго думая, насылал на них проклятия с помощью чёрной магии.

Ринпоче рассказывал: «Наивысшим божеством, главным йидамом нашего клана Шерпа Цанг был Ваджракилая Дудула Дордже. Личным защитником был Шингкьонг, но основные активности осуществляли защитники из его свиты. Сила чёрной магии моего отца была просто сокрушительной! Он, должно быть, уничтожил немало людей, потому что жители Гонджо и Рекхе всегда трепетали от страха перед могущественной магией клана Шерпа».

Ринпоче рассказывал, что его отец мог надеть в один день традиционную рубаху с длинным рукавами, в другой – белую рубаху с полосатой красно-белой накидкой, а в третий – разрядиться в одежды из лучшего шёлка. Волосы у него были весьма длинными. Он обычно оборачивал их в шарф, и

казалось, что его голова того цвета, какого был шарф: голубой шарф делал его голову голубой, красный – красной. Он всегда носил пхурбу, которая когда-то принадлежала Дудулу Дордже, причём всегда за поясом – точно в такой же манере, как это делал сам Дудул Дордже. Обычно йогины нечасто выполняют огненные ритуалы сжигания торма, но, по словам Ринпоче, его отец такие ритуалы очень любил и часто выполнял, причём использовал самые гневные формы из всех возможных. Он обычно метал пхурбу в каждое горящее торма, и если оно не переворачивалось, то он повторял ритуал на следующий день.

Гьюрме Цеванг Чогдруб, который упоминается в «Великой биографии» под именем Гьюрме Цеванг Гьяцо, сын великого тертона из Сера и потомок Дудула Дордже, как раз и был отцом Джамьянга Кхьенце Чокьи Лодро. Гонгна Тулку рассказал мне, что узнал об этом непосредственно от самого Ринпоче.

Я спросил у Дилго Кхьенце: «Если у Гьюрме Цеванга Чогдруба было двое сыновей, то можно ли утверждать, что, в то время как один из них – Терсе Чиме – постоянно осуществлял гневную активность, то второй, то есть Ринпоче, редко к ней прибегал?». Дилго Кхьенце ответил, что дело обстояло вовсе не так, что Ринпоче тоже осуществлял гневную активность; он никогда не закрывал глаза на дурные деяния и всегда выполнял гневную огненную пуджу с целью отвести даже малейший вред от Буддадхармы линии Кхьенце.

МАТЬ КХЬЕНЦЕ ЧОКЬИ ЛОДРО

Я слышал, что семья матери Ринпоче была из Амдо и что она была потомком великого мастера Сергьи Чатрала. В Тибете не принято подробно рассказывать о женщинах, поэтому я так и не смог узнать у кого-либо ни о том, кем были её родители, ни даже имени их клана. Однако сама она оказалась реинкарнацией дакини Шазы Кхамоче. Ринпоче рассказывал Дилго Кхьенце историю о том, как в конце его жизни, через много лет после своей смерти, она иногда являлась ему в видениях и предсказывала будущее. Никто из близких Ринпоче не помнил, из какой семьи была его мать, но в «Великой биографии» сказано, что она обладала всеми характеристиками дакини.

После того как ушла из жизни мать, Кхьенце Чокьи Лодро просил Адзома Другпу, а также многих других лам погадать и узнать о её следующем рождении. Ламы сказали, что, похоже, она допустила некоторые нарушения самайи и поэтому для неё следует выполнять практику Ваджрасаттвы – чем больше, тем лучше. Ринпоче считал свою мать благородным существом, на долю которого выпало тяжкое испытание жить с человеком, который не особо ограничивал себя в экстравагантном поведении. Как тут было избежать нарушения самайи?

ПЛЕМЯННИК ЧОКЬИ ЛОДРО, КОТОРЫЙ ТАКЖЕ БЫЛ ЕГО СЕКРЕТАРЁМ

Я расспросил многих людей, пытаюсь узнать о том, кто был отцом Чагдзо Цеванга Палджора. Таши Намгьял не мог сказать с уверенностью и предположил, что тот мог быть сыном сестры Ринпоче. Но оказалось, что он был сыном старшего брата Чокьи Лодро Дудула, который был мирянином-тантриком. О его семье мне рассказал Гонгна Тулку.

2. Монастырь Кхатог

Всвоей книге Дилго Кхьенце пишет, что великим мастером Джамгоном Конгтрулом Лодро Тхае были обнаружены пять эманаций Джамьянга Кхьенце Вангпо. Неудивительно, что именно ему Кхатог Ситу Чокьи Гьяцо отправил письмо с просьбой прислать одного из тулку Кхьенце в Кхатог: «В нашем монастыре обязательно должен быть свой тулку Кхьенце!».

«Всех тулку Кхьенце уже разобрали! – ответил ему Джамгон Конгтрул. – У меня, впрочем, есть тут один парнишка, который мог бы принести твоему монастырю немало пользы... Но, сдаётся мне, объявлять ещё об одном Кхьенце было бы уже слишком».

Конечно же, после таких слов Кхатог Ситу просто-таки завалил Джамгона Конгтрула письмами, умоляя открыто объявить о новом тулку Кхьенце. В конце концов Джамгон Конгтрул пригласил его для личного разговора в свою резиденцию.

«Ты настоятельно просишь меня объявить этого мальчика тулку Кхьенце и отправить в монастырь Кхатог, – начал разговор Джамгон Конгтрул. – Монастырь Кхатог действительно можно считать одним из самых святых мест. Говорят, Джамьянг Кхьенце Вангпо признался однажды, что из всех возможных способов провести свою жизнь на первом месте

у него всегда была мечта бродить по свету бездомным странником и основать в конце концов где-то на границе провинций У и Цанг большой монастырь, который стал бы пристанищем для нескольких тысяч монахов, а после этого реализовать радужное тело в местечке Цанг Оюг. Но если бы этой мечте не суждено было осуществиться, то он был бы счастлив провести жизнь в монастыре Кхатог, представься ему такая возможность.

Я понятия не имею, почему Кхьенце Вангпо не смог провести всю жизнь в монастыре Кхатог. Возможно, так получилось из-за вмешательства четырёхликого Махакалы. Возможно, его активность за пределами монастырских стен могла принести столько пользы, что остаться там для него не было никакой возможности.

Но какой бы ни была причина подобных обстоятельств, в данный момент монастырь нуждается в присутствии тулку Кхьенце. Поэтому вот тебе внук великого тертона из Сера, и теперь тебе надлежит о нём заботиться. Нет никаких сомнений в том, что он является эманацией активности Кхьенце Вангпо. Но ты не должен строить ему новый лабранг или возлагать ответственность за уже существующий. И не надо делать его настоятелем монастыря или назначать на какой-либо другой высокий пост. Если ему предоставить возможность сохранять спонтанность и следовать образу жизни йогина, то, несомненно, он станет одним из величайших махасиддхов Страны снегов. Поэтому запомни хорошенько

– не взваливай на его плечи формальную ответственность! Поступай так только в том случае, если ты совершенно уверен, что без этого никак не обойтись».

Джамгон Конгтрул вручил письмо, защитный шнурок и хадак Кхатогу Ситу и даровал Чокьи Лодро имя Лодро Гьяцо. Кхатог Ситу передал всё это Цевангу Чогдруббу, сыну великого тертона из Сера, и вернулся в Кхатог вместе с Чокьи Лодро, который оставался там до тех пор, пока ему не исполнилось тринадцать.

Гонгна Тулку рассказывал, что в тот день, когда Кхьенце Чокьи Лодро приехал в Кхатог, шёл снег. Лабранг Ситу снаружи выглядел достаточно внушительно, но в действительности это было очень простое жилище, поэтому комната, в которой поселился Ринпоче, не представляла собой ничего особенного. На следующий день повалил такой снег, что местные жители даже из домов не могли выйти, что в целом было очень необычно для этого региона. Многие восприняли это как добрый знак. Вскоре Ринпоче возвели на трон, проведя самую простую церемонию.

Кхатог Ситу Чокьи Гьяцо, Третий Кхатог Ситу Ринпоче.
Фото предоставлено архивом монастыря Шечен

На следующий год Кхатог Ситу отправился в путешествие в сопровождении множества монахов в Цадра Ринчен Драг⁴,

⁴ Цадра Ринчен Драг (Wyl. *tsa 'dra rin chen brag*) – священное место, расположенное над монастырём Палпунг в Деге, Кхам, где Джамгон Конгтрул Лодро

где Джамгон Конгтрул должен был даровать великое посвящение «Обобщённая сущность мудрости всех будд». Кхьенце Чокьи Лодро тоже очень хотел поехать с ними, но Кхатог Ситу не взял его. «Ты пока ещё совсем дитя, незачем тебе ехать», – сказал он Ринпоче. Чокьи Лодро не посмел спорить с ним, но позже всегда расстраивался, вспоминая, что упустил свою единственную возможность лично увидеть Джамгона Конгтрула. Об этом не сказано в «Великой биографии».

Дилго Кхьенце говорил, что Ринпоче никогда не признавал, что является тулку Кхьенце Вангпо. В действительности он всегда настаивал на том, что такого просто быть не может. Он был рождён в год Змеи, а Кхьенце Вангпо ушёл из жизни лишь за восемь месяцев до его рождения, в первый месяц года Дракона. В качестве доказательств своего мнения он приводил цитаты из «Сокровищницы Абхидхармы» и других текстов. Об этом недвусмысленно сказано в «Великой биографии».

ДЕТСТВО ЧОКЬИ ЛОДРО

Видение из предыдущей жизни

Чокьи Лодро пишет в автобиографии:

Тхае основал центр для проведения трёхлетних ретритов и уединения. Это место стало основной резиденцией Конгтрула Ринпоче.

Однажды вечером, заучивая наизусть
«Ваджравидарана-дхарани»⁵,
Наблюдая за тем, как монастырь Кхатог⁶
купаются в лунном свете,
Я вдруг ощутил безысходную тоску.
Снова и снова в моей памяти всплывали
Воспоминания о славном монастыре Сакья.

Я спросил у Дилго Кхьенце, что случилось в ту ночь и что имел в виду Ринпоче, когда писал эти строки. Он объяснил, что учитель Ринпоче практиковал в пещере высоко в горах над монастырём Кхатог, а сам Ринпоче сидел перед входом в неё на подушке, обтянутой кожей, и повторял мантру Ваджравидарана-дхарани, и в этот момент из-за туч неожиданно показалась луна и залила светом долину, где был расположен монастырь. Возможно, причиной этого явления стало благословение от чтения мантры, кто знает? Так или иначе, а это привело к тому, что очертания монастыря вдруг проступили необычайно чётко, и Ринпоче, вглядываясь в них, пережил видение: один монастырь трансформировался в другой – в тот монастырь, что стоял на серой земле.

Во время этого видения Ринпоче пребывал в состоянии

⁵ «Ваджравидарана-дхарани» (Wyl. *rdor je nam par 'joms pa zhes bya ba'i gzungs*).

⁶ Этот перевод основан на объяснении, полученном от Оргьена Тобгьяла Ринпоче. – ДТР.

бодрствования. Это не было сновидением. Однако после того, как видение развеялось, он вдруг ясно вспомнил, что был рождён *дунгсе* (преемником) линии передачи кхон и жил в монастыре, что стоял на «серой земле» (тиб. *сакья*). Это воспоминание оставалось в его уме на протяжении всей сессии повторения дхарани. Он тогда понятия не имел, где находится этот монастырь, и лишь после узнал, что под это описание подходит монастырь Сакья.

Феноменальная память

Вероятно, Ринпоче в прошлых жизнях был ньингмапой и практиковал цикл «Сердечная сущность обширного пространства». На это указывал тот факт, что, прочитав один-два раза текст, он выучил наизусть несколько садхан – практики Экаджати, Рахулы и Ваджрасадху, а также садхану «Собрание видьядхар»; молитву призывания Палчена и других божеств этого цикла. Ему не понадобилось прикладывать никаких усилий, чтобы выучить наизусть все эти тексты. Эта его особая способность подробно описана в тексте Дилго Кхьенце.

Случай с ртутью

Будучи ещё ребёнком, Чокьи Лодро был известен как Тул-

ку Лодро. Он был очень активным ребёнком и никогда не мог усидеть долго на одном месте. Однажды Тулку Лодро занимался уборкой комнаты своего учителя, и ему на глаза попался необычный тяжёлый кувшин из голубого стекла. Призадумавшись о том, что бы это могло быть, он начал трясти кувшин в руках и обнаружил, что от этого кувшин издаёт забавный звук – трок-трак, трок-трак.

«Вот так кувшин! – подумал он. – Должно быть, в нём налито нечто особенное. Дай-ка я это попробую».

И, недолго думая, он осушил кувшин до дна.

Вскоре вернулся его учитель, но, поскольку Тулку ещё не закончил уборку, то продолжал свою работу в его присутствии. Когда он наполнял чаши для подношения водой, то заметил, что учитель на что-то удивлённо смотрит, переводя взгляд то туда, то сюда. Он осмотрел всю комнату, пол, алтарь и самого Тулку Лодро. Он явно был чем-то поражён, но чем? Потом учитель глубоко задумался, перебирая в руке чётки, а затем вдруг резко отбросил их, вскочил и, подбежав к шкафу, открыл дверцу. Он достал оттуда необычный кувшин и, заглянув внутрь, обнаружил, что тот пуст.

– Куда делось содержимое этого кувшина? – спросил он.

Тулку Лодро не смел лгать учителю и во всём признался.

– Ого! – только и воскликнул учитель. Он вернулся на своё сиденье и задумался. Его глаза скользили по всей комнате и снова возвращались на Тулку Лодро. «Ого!» – только и мог восклицать он.

Обычно учитель Ринпоче был очень суров и мог запросто в качестве наказания за малейшую шалость отвесить ему тяжёлую оплеуху или поколотить. Когда я был совсем ещё ребёнком, мы как-то брили Ринпоче голову, и я заметил пару десятков шрамов, оставшихся от таких ударов. Но в этот раз учитель почему-то не пошевелил и пальцем, чтобы проучить Тулку. Вместо этого он отправился рассказать о случившемся Кхатогу Ситу.

– Тулку Лодро особенный ребёнок, – сказал он. – Сегодня он хватил целый кувшин ртути! И когда после этого наполнил чаши, из его тела на алтарь капала ртуть. Да он весь пол залил ртутью, а самому хоть бы что! Он точно очень необычное существо.

Тулку Лодро анализирует свои сновидения

Кхатог Ситу дал всем ламам и тулку монастыря наставление анализировать свои сны. Они должны были выяснить, кем были их предшественники. Тулку Лодро отнёсся к этому заданию со всей серьёзностью и, прочитав все надлежащие молитвы перед сном, зародил устремление увидеть во сне своё предыдущее рождение. Уже начинало светать, когда ему приснился пожилой тибетец в парчовом одеянии голубого цвета с бирюзовыми орнаментами.

На следующий день Кхатог Ситу собрал всех тулку и начал их спрашивать, кем, по их мнению, они были в преды-

душей жизни. Некоторые из них сказали, что были перерождениями лам, носивших головные уборы пандита, другие видели себя в шапках, украшенных рогами, а кое-кто даже признался, что видел во сне различных гуру и божеств-йидамов. Кхатог Ситу отвечал им: «Хорошо, хорошо», не задавая никаких дополнительных вопросов.

Однако, когда он узнал о том, кого видел во сне Тулку Лодро, он воскликнул:

– Вот это да!

После этого он несколько раз переспросил его, точно ли виденный им человек был мирянином. Когда Тулку Лодро убедил его, что именно так и было, Ситу Ринпоче стал бормотать себе под нос:

– Тулку Лодро – реинкарнация мирянина, Тулку Лодро – реинкарнация мирянина...

Он повторял это снова и снова, и через некоторое время все присутствовавшие тулку стали повторять за ним:

– Тулку Лодро – реинкарнация мирянина, Тулку Лодро – реинкарнация мирянина...

Позже, уже в монастыре Дзонгсар, кто-то, рассматривая тханку, нарисованную в соответствии с инструкциями предыдущего Кхьенце, заметил, что Дхармараджа Трисонг Децен изображён в точно таком же голубом одеянии.

Это всё, что я могу рассказать о ранней юности Кхьенце Чокьи Лодро, о его пребывании в монастыре Кхатог.

3. Монастырь Дзонгсар

ТУЛКУ ЛОДРО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МОНАСТЫРЬ ДЗОНГСАР

Дальше я расскажу несколько историй, которые я слышал от Дилго Кхьенце. Я расскажу их слово в слово, как услышал сам.

Когда Первый Кхьенце Тулку получал передачу текста «Драгоценность учений терма» от Пятого Дзогчена Ринпоче, Тхубтена Чокьи Дордже, в монастыре Дзогчен, он неожиданно почувствовал себя плохо. Дзогчен Ринпоче как раз заканчивал раздел о Гуру. Поскольку у тулку поднялась температура, все решили, что это грипп, но вскоре стало ясно, что всё гораздо хуже. Тогда помощники позвали к нему самого Дзогчена Ринпоче.

– Реинкарнация моего коренного гуру уходит от нас, – прошептал Дзогчен Ринпоче. Он положил голову тулку к себе на колени и заплакал. Через некоторое время тулку действительно умер, как и предсказывал Дзогчен Ринпоче.

Первый Кхьенце Тулку был эманацией тела Кхьенце Вангпо, но его последующие перерождения так и не были обнаружены. Многие полагали, что его реинкарнацией был Дилго Кхьенце но, когда я напрямую спросил об этом, он сказал,

что это не так.

Келсанг Дордже был племянником Кхьенце Вангпо и стал регентом монастыря Дзонгсар, когда тот ушёл из жизни. Поэтому именно в его обязанности входило заботиться о Первом Кхьенце Тулку. После того как тот умер, Келсанг Дордже написал письмо Кхатогу Ситу: «Наш Дзонгсар Кхьенце Тулку неожиданно ушёл из жизни. Это было подобно тому, как исчезает солнце, когда его заслоняет луна. Я и сам болен и вряд ли долго протяну. Моя скорая смерть неизбежна, и я прошу тебя: пришли сюда, в монастырь Дзонгсар, того самого паренька, который живёт в твоём монастыре, – внука великого тертона из Сера. Если ты дорожишь нашей самайей, брат, если ты держишь в чистоте самайю со своим дядей Кхьенце Вангпо⁷, то не откажешь мне в этой просьбе. Пришли Тулку Лодро как можно скорее. Это моё последнее желание перед смертью».

Регент Келсанг Дордже умер на следующий же день после того, как написал это письмо. Несмотря на это, письмо всё же было отправлено и попало в руки Кхатога Ситу. Тогда он вызвал Чокьи Лодро для разговора.

– Джамгон Конгтрул завещал мне не обременять тебя никакой ответственностью – не давать тебе принимать на себя заботу о монастыре, лабранге, да и вообще никакую формальную должность. Но сегодня я получил письмо от Кел-

⁷ Келсанг Дордже и Кхатог Ситу Ринпоче были братьями и племянниками Джамьянга Кхьенце Вангпо. – *ДДКР*.

санга Дордже, который просит отправить тебя в монастырь Дзонгсар. Если бы он был всё ещё жив, мы могли бы обсудить с ним создавшуюся ситуацию, но он умер, а это означает, что единственным способом для меня сохранить в чистоте самайи с ним самим и Кхьенце Вангпо – это выполнить его просьбу. Поэтому, в сущности, у меня нет выбора, поскольку эти самайи я не смею игнорировать. Я правда не могу придумать ничего другого – тебе придётся переехать в монастырь Дзонгсар.

Чокьи Лодро ответил, что, хоть он и не горит особенным желанием уезжать, нельзя сказать, что он сильно этой необходимостью расстроен. Таким образом, вскоре после этого разговора Кхатог Ситу и Чокьи Лодро в сопровождении шестерых спутников отправились в путешествие в монастырь Дзонгсар.

В лабранге Кхьенце хранилось всё имущество и ценности Джамьянга Кхьенце Вангпо, однако его обитатели никогда этим не хвастались.

Когда Чокьи Лодро прибыл в монастырь, ему навстречу не была отправлена процессия, однако позже, в наиболее благоприятный день, хранители лабранга и их помощники привели в порядок трон в зале для посвящений, и Кхатог Ситу провёл интронизацию Чокьи Лодро.

На мероприятии присутствовало лишь несколько монахов и лам, но сама церемония была довольно продолжительной. Она включала длинную речь о пяти совершенствах и осталь-

ные формальности. На Кхатог Ситу было монашеское одеяние из ста восьми лоскутов, предназначенное для подобных церемоний, и головной убор пандиты. Он сидел на большой подушке перед тронем. Время от времени присутствующим разносили чай, рис с шафраном и изысканные сладости. Затем Кхатог Ситу даровал подробное учение о пяти благоприятных аспектах. После этого лабранг Дзонгсара, лабранг Гонгна и другие лабранги совершили символические подношения, следуя всем соответствующим правилам. Кхатог Ситу ни разу прямо не сказал, что отныне главой монастыря является Кхьенце Чокьи Лодро, но в его речи содержались косвенные указания на это.

У Кхатога Ситу было множество неотложных дел, поэтому он покинул стены монастыря Дзонгсар практически сразу по окончании церемонии. На прощание он сказал молодому тулку: «Сегодня тебе придётся остаться здесь».

Кровать Кхьенце Вангпо

В ту ночь Чокьи Лодро бродил по лабрангу и в какой-то момент обнаружил спальню с кроватью, какие обычно бывают в монашеских кельях. Лишь позже он узнал, что спальня, которую он выбрал, была спальней самого Кхьенце Вангпо и, следовательно, самой важной комнатой всего лабранга. Однако в тот момент, когда его выбор пал именно на эту комнату, он понятия не имел, чья она, ему просто нужно было

выбрать место для ночлега – он просто нашёл спальню, которую счёл подходящей, и заночевал в ней. Следует заметить, что никто из работников лабранга так ему и не сказал, чья это спальня.

Через год Кхатог Ситу посетил монастырь Дзонгсар во второй раз. Именно тогда Чокьи Лодро предложил ему присесть на «свою» кровать и тем поверг его в глубокий шок.

– Что? – воскликнул Кхатог Ситу.

Чокьи Лодро был немало удивлён подобной реакцией Кхатога Ситу, но он всё же решил повторить своё приглашение присесть на кровать.

– Я не могу садиться на эту кровать! – сказал он и попросил подушку, чтобы устроиться рядом.

– А где ты спал всё это время? – спросил Кхатог Ситу.

– В единственной кровати, которую смог найти в ту ночь, когда прибыл сюда. В ней я с тех пор и сплю каждую ночь, – ответил Чокьи Лодро.

– Вот как?! – только и смог воскликнуть Кхатог Ситу. – Вот не врут же люди, когда говорят, что собака всегда норовит улечься спать на кровать хозяина!

На это Чокьи Лодро ничего не ответил.

– Да что там! – снова воскликнул Кхатог Ситу через мгновение. – Ведь именно так и говорят: «Собака всегда лезет спать на кровать хозяина»!

Он выказывал своё изумление снова и снова, до тех пор, пока Чокьи Лодро не спросил его, что он имеет в виду.

– Это же кровать Джамьянга Кхьенце Вангпо, Благородного владыки Учений Будды. И ты решил на ней спать?! – возмутился Кхатог Ситу.

Чокьи Лодро рассказывал, что в этот момент почувствовал сильный дискомфорт, ведь на момент этого разговора он уже провёл на этой кровати много ночей. Тогда он спросил Кхатоба Ситу, в какую спальню ему переехать.

– Уж коли устроился спать тут, то и спи впредь, – ответил Кхатог Ситу. Позже он признался, что воспринял произошедшее как чрезвычайно благоприятный знак, и из этого признания можно сделать вывод, что он не так уж сильно сердился, как пытался продемонстрировать.

Кхатог Ситу был очень добр к Кхьенце Чокьи Лодро. Он часто подолгу разговаривал с ним и постоянно давал ему полезные советы и наставления по внешним и внутренним практикам. Однако предсказание Джамгона Конгтрула о том, что наиболее предпочтительным образом жизни для Чокьи Лодро будет жизнь странствующего аскета, так и не сбылось.

Когда Шечен Гьялцаб приехал в монастырь Дзонгсар с визитом, Чокьи Лодро пригласил его присесть на кровать Джамьянга Кхьенце Вангпо. Шечен Гьялцаб тут же заявил, что он этого ни за что не сделает. Вместо этого он тут же сделал три простираания, дотронулся до кровати макушкой головы, а затем даровал Чокьи Лодро посвящение. Если я не ошибаюсь, это было посвящение согласно садхане «Совершен-

ная реализация гуру» из терма Джамьянга Кхьенце Вангпо. Лишь после того, как он даровал это посвящение, Шечен Гьялцаб согласился присесть на эту кровать и даже принял предложение надеть шапку предыдущего Кхьенце.

– Кроме этой реинкарнации Гьялцаба, – рассказывал позже Ринпоче, – никто так и не осмелился присесть на кровать Джамьянга Кхьенце Вангпо. Стоит мне начать размышлять об этом, как я сразу осознаю, что и сам не обладаю теми качествами, которые позволяли бы мне спать на кровати такого великого мастера. Но случилось, что именно на ней я и спал все эти последние годы. Что ж теперь мне было делать?

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПО ПОВОДУ ТУЛКУ КХЬЕНЦЕ

Предпосылки

Как я уже упоминал, после смерти Кхьенце Вангпо было дано предсказание, что будет обнаружено пять реинкарнаций, и того тулку, который станет главой монастыря Дзонгсар (эманация тела), должен был обнаружить Джамгон Конгтрул. Именно этот тулку неожиданно умер на руках у Дзогчена Ринпоче.

Пока Первый Кхьенце Тулку жил в монастыре Дзонгсар,

туда прибыл ещё один тулку Кхьенце, и по монастырю поползли слухи, что его обнаружил сам Понлоп Лотер Вангпо. Этого тулку стали называть *Кхьен Тругма*. *Труг* на тибетском означает «маленький». Такое имя не особенно подходит для тулку, но именно так его все и называли.

Одновременно с этим укреплялось намерение Кхатога Ситу пригласить в монастырь Кхатог одного из тулку Кхьенце. Как я уже упоминал, прежде чем Джамгон Конгтрул открыто объявил об обнаружении реинкарнации активности Кхьенце Вангпо и возвёл его на трон, он выдвинул Кхатогу Ситу условие, что на Кхьенце Чокьи Лодро никогда не будет возложена ответственность за монастырь или большой лабранг.

После того как ушёл из жизни Первый Кхьенце Тулку, Келсанг Дордже написал Кхатогу Ситу письмо с настойчивой просьбой прислать в монастырь Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро. Но вскоре после этого Келсанг Дордже умер, что сильно усложнило ситуацию. Если бы он остался жив, то Кхатог Ситу смог бы рассказать ему об условии, которое выдвинул Джамгон Конгтрул, и тогда они смогли бы совместно принять решение, которое пошло бы на пользу обоим монастырям. Но, поскольку тот умер, Кхатогу Ситу не оставалось ничего другого, как исполнить его последнее желание.

По словам Янгси Ринпоче Тхубтена Чокьи Гьяцо, большинство монахов монастыря Дзонгсар не признавали Кхьена Тругму держателем трона. Это не удивительно, поскольку

ку Дзонгсар – это монастырь школы сакья, и те монахи, которые поддерживали Тулку Тругму, сделали такой выбор лишь потому, что он был сакьяпой. Однако пользовавшийся в монастыре огромным влиянием лабранг Кхьенце, который в целом не имел к монастырю никакого отношения (Кхьенце Вангпо никогда не устанавливал формальной связи с монастырём Дзонгсар), был решительно против кандидатуры «маленького тулку». Поэтому Келсанг Дордже, который являлся племянником, регентом и главой лабранга Кхьенце, потребовал у Кхатога Ситу прислать в Дзонгсар Кхьенце Чокьи Лодро. Вот так и получилось, что в монастыре Дзонгсар одновременно жили два тулку Кхьенце Вангпо. Лабранг Кхьенце и регент Келсанг Дордже поддерживали Чокьи Лодро, а остальные официальные лица монастыря Кхьена Тругму.

Я не знаю наверняка, что именно произошло позже, но, по слухам, в какой-то момент между монастырём и лабрангом разгорелся серьёзный спор, поскольку стали ходить слухи о недостоверности факта обнаружения Кхьена Тругмы Лотером Вангпо. Напряжение достигло такого накала, что многие монахи вооружились ножами.

Когда конфликт дошёл до точки кипения, в монастырь приехал Кхатог Ситу. Он тут же пришёл к Чокьи Лодро.

– Джамгон Конгтрул предвидел, что с тобой может произойти нечто подобное, – сказал Кхатог Ситу, глотнув чая. – И, судя по всему, они тут не очень-то в тебе заинтересованы.

Мне сказали, что некоторые даже не скрывают своего враждебного настроения по отношению к тебе. Учитывая всё это, возможно, тебе лучше вернуться со мной в Кхатог, поскольку там ты действительно нужен.

Чокьи Лодро, который к тому времени заметно повзрослел, перед тем как ответить, глубоко задумался.

– Я, конечно же, соглашусь с любым вашим решением, Ринпоче, – ответил он, – но сначала я хотел бы поделиться своими собственными соображениями.

– Ах вот как! И что же у тебя на уме? – спросил Кхатог Ситу.

– Ринпоче, вы зовёте меня вернуться с вами в Кхатог. Если бы не было принято решение, что я должен быть здесь, в Дзонгсаре, то возвращение в Кхатог было бы наилучшим выходом. Но такое решение уже было принято, и я обосновался здесь. Да, это привело к возникновению некоторых проблем, но если я уеду, не решив их, то среди здешних мирян начнутся кривотолки. Более того, я видел сновидения, которые недвусмысленно указывают на то, что если я останусь здесь, то смогу в меру своих небольших способностей приносить пользу Дхарме Будды. К тому же для монастыря Кхатог я точно не смогу быть более полезен, чем вы сами, Ринпоче. Пока вы живы, вы всё равно будете справляться с заботой о монастыре гораздо лучше меня. Но я обещаю, если наступит время, когда вам придётся покинуть монастырь, я обязательно вернусь туда и приму на себя ответственность

на срок в пятнадцать лет.

После того как Чокьи Лодро закончил говорить, Кхатог Ситу долго молчал. Он смотрел в пространство перед собой, а по его щекам катились слёзы.

– Мы, человеческие существа, всегда попадаемся в одну и ту же ловушку! – наконец сказал он. – Я думал, что поскольку я старше и опытнее тебя, то в любом случае мудрее и дальновиднее. Но сейчас ты превзошёл меня как с позиции духовности, так и с позиции мирского опыта. Ты убедил меня, что тебе не следует уезжать отсюда. Оставайся!

Вот так получилось, что Чокьи Лодро остался в монастыре Дзонгсар.

Янгси Ринпоче Тхубтен Чокьи Гьяцо рассказывал, будто слышал о том, что, когда Кхатог Ситу принимал решение отправить Чокьи Лодро в монастырь Дзонгсар, он не собирался отдавать его туда навсегда, речь шла лишь о том, чтобы «одолжить» тулку на пятнадцать лет. Однако я не нашёл подтверждений этим словам ни в одном источнике. Но я могу точно сказать, что Кхьенце Чокьи Лодро обещал заботиться о монастыре Кхатог в течение пятнадцати лет, поскольку это упомянуто в «Великой биографии».

Роль Джсаго Тобдена

Согласно свидетельству Таши Намгьяла, вскоре после того как Чокьи Лодро даровал в монастыре Дзонгсар переда-

чу цикла «Драгоценность учений терма», туда прибыл Джаго Тобден. Это было незадолго до того, как размеренную жизнь тибетцев нарушили политические потрясения. Он рассказал Чагдзо Цевангу Палджору, что при дворе Деге было принято решение, что споры о том, какой из тулку примет на себя ответственность за монастырь Дзонгсар, должны быть немедленно прекращены, что должно быть принято окончательное решение и что его специально прислали с поручением как можно скорее всё уладить.

Как только стало известно, что к решению проблемы подключился Тобден, Цеванг Палджор и другие сторонники Кхьенце Чокьи Лодро несколько раз пытались изложить ему свои аргументы. Но каждый раз, когда он замечал их приближение – даже если кто-то из них просто собирался предложить ему чая, он начинал раздражаться и отказывался с ними разговаривать. В то же самое время со сторонниками Кхьена Тругмы он был вежлив и обходителен. Так продолжалось в течение десяти дней, и сторонники Кхьенце Чокьи Лодро негодовали всё сильнее и сильнее: «Как вообще Цевангу Дудулу из Деге пришло в голову поручить Джаго Тобдену рассудить *их дело?!*». Но с этим фактом ничего нельзя было поделать.

Прошло не так много времени, и наконец было созвано общее собрание монахов. Было произнесено немало речей о величии Понлопа Лотера Вангпо, «воплощения жизненной силы и самой основы славных линий сакья и монастыря

Нгор», который – и это отмечалось чаще всего – был одним из учителей самого Чокьи Лодро. Поскольку Дзонгсар был дочерним монастырём монастыря Нгор, то было бы совершенно недопустимо идти против желания Лотера Вангпо и отрицать право Кхьена Тругмы. Вскоре Цевангу Палджору стало совершенно ясно, что дело оборачивается не в пользу Кхьенце Чокьи Лодро.

Когда вечером этого дня Цеванг Палджор выходил из кухни лабранга, он увидел, что у двери комнаты Ринпоче стоит Джаго Тобден и не решается войти. Было заметно, что он о чём-то раздумывает. Однако в какой-то момент он всё же открыл дверь и вошёл в комнату.

«Чтобы это могло значить», – призадумался Цеванг Палджор. Прошло около пятнадцати минут, когда дверь снова открылась и Тобден вышел наружу. Сгорая от любопытства, Цеванг Палджор поспешил узнать у Ринпоче, о чём был разговор. Ринпоче сказал: «Да, ко мне действительно заходил Джаго Тобден». Больше он ничего не сказал. И лишь спустя много лет Цеванг Палджор узнал от самого Джаго Тобдена, что в действительности произошло в тот вечер.

– Ни один из тулку Кхьенце не несёт ответственности за сложившуюся ситуацию, – сказал Джаго Тобден Чокьи Лодро. – Однако не годится вам обоим быть в одном и том же монастыре, поскольку это приведёт к бесконечным конфликтам. Поэтому я со всем подобающим уважением должен спросить вас, Ринпоче: вы сами хотели бы жить в мона-

стыре Дзонгсар или вам было бы удобнее уехать из него?

– Кто из нас двоих останется здесь, в монастыре, не имеет никакого значения, – ответил Ринпоче. – И, говоря прямо, сам бы я чувствовал себя гораздо более счастливым, если бы не жил ни в каком монастыре. Но я могу точно сказать, что если останусь здесь, это пойдёт на пользу как Дхарме Будды, так и королевству Деге.

Джаго Тобден. Фото предоставлено Чеме Дордже Чаго-цангом

Тогда Джаго Тобден попросил Ринпоче никому не рассказывать о содержании их разговора и сменил тему разговора.

Вскоре после этого разговора Джаго Тобден вынес свой вердикт: «Драгоценный Кхьенце Тулку из монастыря Дзонгсар (Кхьен Тругма) не может более оставаться в вышеозначенном монастыре в силу недостаточной заслуги сангхи. Поэтому я забираю его в монастырь Галинг в Юлунге, где он и будет жить впредь».

План Тобдена заключался в том, чтобы убедить кочевников и фермеров оказать тулку всяческую поддержку. Для этого он забрал с собой всё движимое имущество лабранга, включая стада яков и лошадей, всё золото, серебро и другие драгоценности. Всё это Таши Намгьял узнал у Чагдзо Цеванга Палджора.

Джаго Тобден признался Чагдзо, что всегда испытывал искреннюю преданность к Чокьи Лодро и что его основной мотивацией забрать «маленького» тулку из монастыря было желание побыстрее прекратить всю эту перепалку в монастыре. Он опасался, что если этого не сделать, то в будущем могут начаться более существенные проблемы, если конфликт приведёт к нарушению самайи. И хотя сам он не испытывал преданности к Кхьену Тругме, которого теперь называли Галинг Кхьенце, или даже какой-либо связи с ним, поскольку тому уже было присвоено имя Кхьенце, его необходимо было где-то пристроить. Для этого он приобрёл в Га-

линге участок земли, построил там монастырь и поселил тулку там. Он не сомневался, что лабранг Кхьенце не пострадает от подобной потери, и потому пустил все ценности на то, чтобы устроить Галинга Кхьенце. (Не исключено также, что у Чокьи Лодро было недостаточно заслуги, чтобы владеть всем имуществом лабранга.) При этом необходимо отметить, что Джаго Тобден не забрал ничего, что относилось к собранию священных тела, речи и ума Джамьянга Кхьенце Вангпо. По его словам, сторонников Галинга Кхьенце интересовали лишь материальные ценности лабранга. Никому из них даже в голову не пришло забирать тексты Дхармы или священные объекты.

В Тибете существует поговорка: «Когда пройдоха демонстрирует убеждённость, что солнце взойдёт на западе, не сомневайся, что он пытается тебя надуть». Джаго Тобден изо всех сил пытался выглядеть предвзятым сторонником Кхьена Тругмы, но это был лишь искусный метод решить проблему, угрожающую монастырю. Прошли десятилетия, прежде чем обитатели монастыря Дзонгсар осознали, какую ценную услугу оказал Тобден Кхьенце Чокьи Лодро.

– Чего я так и не понял, – удивился как-то раз Янгси Ринпоче Тхубтен Чокьи Гьяцо, – так это почему Кхьенце Чокьи Лодро, который никогда не стремился брать на себя ответственность за лабранг или монастырь, тем более такие огромные, как лабранг Кхьенце и монастырь Дзонгсар, не использовал возможность отдать это всё Кхьену Тругме, когда

выдалась благоприятная возможность. Разве можно представить себе более благоприятную возможность снять с себя эту ответственность! Почему он не использовал этот шанс стать странником и вести тот образ жизни, который нравился ему больше всего?

Я тогда сказал ему, что стать странником для Чокьи Лодро был лучший выбор, но этого так и не случилось, и после долгих размышлений он пришёл к выводу, что если ситуация сложилась таким образом и что монастырь Дзонгсар вынужден был выбирать между Кхьенце Тругмой и им, то для всех будет лучше, если останется он. Янгси Ринпоче Тхубтен Чокьи Гьяцо согласился со мной. По его словам, то, что Кхьенце Чокьи Лодро решил остаться в монастыре Дзонгсар, само по себе можно считать благой активностью, поддерживающей Дхарму. И если эта ситуация теоретически и могла закончиться чем-то более благим, то в действительности для этого у живых существ, которые были в неё вовлечены, не хватило заслуги.

Таким образом, пожелание Джамгона Конгтрула о том, чтобы Чокьи Лодро не принимал на себя никакой формальной ответственности, сохранил свободу и обрёл все блага, которые эта свобода даёт, так и не осуществилось. Когда Чокьи Лодро был уже достаточно пожилым, выяснилось, что сам он никогда не терял надежды, что сможет в какой-то момент стать странствующим йогином. У него всегда были наготове монашеский посох и котомка со всем необходимым

для путешествия. Несмотря на то, что, как и предсказывал Джамгон Конгтрул, Чокьи Лодро без особого труда реализовал все аспекты внутренней йогической дисциплины, он так и не стал странником.

Как только конфликт разрешился, Чокьи Лодро отправился в паломничество в Лхасу, а затем посетил Нгор и Миндроллинг, где принял обеты бхикшу. Ринпоче сам подробно описал в своём дневнике, как проходила церемония принятия обетов, кто принимал в ней участие и свою решимость держать полученные обеты в совершенной чистоте.

Затем он отправился в Чамдо. Старый монах родом из Чамдо по имени Друпа Ригьял, наш сосед в Бире, подробно рассказал мне об этом визите. Он начал свой рассказ со случая, когда предыдущий Чамдо Пхагпа Лха, учитель школы гелуг, махасиддха, обладавший даром ясновидения, и, возможно, единственный из линии перерождения Пхагпы Лха, кто позволил себе вступить в отношения с духовной супругой, попросил путешествовавшего по Чамдо ламу Кхатога Ситу, который был последователем школы ньингма, взойти на трон и дать передачу цикла «Магическая сеть Манджушри» всем монахам монастыря Чамдо, который принадлежал к школе гелуг. Когда через несколько лет в Чамдо приехал с визитом молодой лама Дзонгсар Джамьянг Кхьенце Чокьи Лодро, Пхагпа Лха поступил так же – попросил его взойти на трон и даровать посвящение долгой жизни Тхангтонга Гьялпо ему самому, а заодно всем монахам и оказав-

шимся в монастыре мирянам. После того как Ринпоче вошёл на трон, сам Пхагпа Лха устроился на подушке у подножия трона и обратился к нему с формальной просьбой даровать посвящение. Монахи старшего поколения были так расстроены происходившим, что у них на глазах выступили слёзы. «Каким же жалким стал Пхагчен Гьялвей Вангпо!» – причитали они, перешёптываясь между собой.

Из Чамдо Чокьи Лодро отправился в монастырь Нетен, а затем в монастырь Кела. На обратной дороге в Дзонгсар он получил множество посвящений и передач от Кела Чоклинга (одно из перерождений Чокгюра Лингпы) и Нетена Чоклинга Нгедона Друбпей Дордже. Именно тогда Нетен Чоклинг предложил Ринпоче забрать в свой монастырь в качестве личного помощника юношу по имени Цеджор, который, хоть и был ещё совсем ребёнком, но уже принял монашество. Ринпоче так и сделал.

Во время этого путешествия Чокьи Лодро получил известие о кончине Кхатога Ситу. Он незамедлительно отправился назад в Дзонгсар и, прибыв туда, оставался в уединённом ретрите. После завершения ретрита он написал письмо Шечену Гьялцабу. Но, к сожалению, единственным ответом, который доставил обратно вестник, было известие об уходе из жизни самого Шечена Гьялцаба. В то время один за другим ушли Кармапа Кхакьяб Дордже и множество учеников Джамьянга Кхьенце Вангпо и Джамгона Конгтрула.

Кхатог Ситу умер во время совершения ритуальной цере-

монии устранения препятствий для члена тибетского правительства, который серьёзно заболел. Поскольку из-за этого церемония так и не была завершена, к Чокьи Лодро поступила официальная просьба её закончить. Он провёл несколько ритуалов, устраняющих препятствия, но они оказались бесполезны и чиновнику стало ещё хуже.

Я слышал, что в тот момент, когда Чокьи Лодро готовился к проведению ритуалов, направленных на отражение нападок злонамеренных сил, один из трёх защитников⁸ спросил его, куда должна быть направлена гневная активность – против внутренних или внешних врагов. На мой взгляд, подобный вопрос означает, что есть сомнения в том, действовал ли этот чиновник в то время на благо Тибета. В действительности в ту пору так много людей нарушали самайи, что Таши Намгьял советовал Янгси Ринпоче отказаться от проведения подобных ритуалов для политиков в Дхарамсале.

⁸ Экаджати, Палден Лхамо и Бер. – КСП.

4. Регент монастыря Кхатог

После того как ушёл из жизни Кхатог Ситу, Кхьенце Чокьи Лодро принял на себя ответственность за монастырь Кхатог согласно обещанию, которое дал своему учителю. В роли регента монастыря Кхатог он стал бывать там довольно часто, выбирая каждый раз для путешествия один и тот же маршрут, который пролегал через горный перевал. Согласно воспоминаниям Цеджора, как только они преодолевали перевал и вступали на склон со стороны монастыря Кхатог, Ринпоче становился чрезвычайно суровым. Он вдруг принимался бранить своих помощников, отчитывая их за малейшие недостатки, причём это касалось и внешних мирских манер, и внутренней духовной практики. При этом голос его был настолько гневным, что напоминал раскаты грома. Однако по дороге назад, стоило им перейти на склон со стороны монастыря Дзонгсар, он сразу же становился спокойным и дружелюбным.

ИЗГНАНИЕ ЖЕНЩИН ИЗ МОНАСТЫРЯ КХАТОГ

Во времена Кхатога Ситу обитатели монастыря Кхатог были монахами лишь номинально. На самом деле они были мирянами, облачившимися в монашеские одеяния, а мона-

стырь был полон женщин, с которыми они сожительствовали. Кхатог Ситу неоднократно пытался запретить женщинам жить в монастыре, но каждый раз наткнулся на сопротивление тех, кто настаивал, что подобное запрещение разозлит главную защитницу монастыря – Лхамо. После того как Чокьи Лодро стал регентом, один из пожилых лам, который жил в пещере Гопуг, обратился к нему с настоятельной просьбой установить правило, запрещающее женщинам жить в монастыре (позже я выяснил, что это был Кхенпо Кунпел). Но, несмотря на то что Кхенпо довольно убедительно рассуждал о важности подобного запрета, сам он не особенно горел желанием принимать участие в каких-либо решительных действиях и, видимо, поэтому так и не пришёл на совещание, состоявшееся при участии Кхенпо Нудена, Кхенпо Джордена, Чокьи Лодро и предыдущего Геце (Геце Махапандиты⁹), на котором они обсуждали, как ввести такой запрет на практике. Прошло не так много времени с начала этого «военного совета», как Чокьи Лодро к своему неудовольствию осознал, что остальные участники собрались лишь для того, чтобы попросту *угговорить его* ввести запрет своим волевым решением. У Цеджора это не вызвало особого энтузиазма.

«Этот план сработает лишь в том случае, если наши так называемые монахи добровольно подчинятся распоряжению

⁹ Гьюрме Цеванг Чогдруб (Wyl. 'gyur med tshe dbang mchog grub), также известный как Кхатог Геце Махапандита (1761–1829) – знаменитый учёный из монастыря Кхатог, который составил каталог «Ньингма гьюбум».

Ринпоче, – подумал он, – но эти местные парни из Хорпо такие упёртые, что от них можно ожидать чего угодно. Если они унижат Ринпоче открытым неповиновением, то у монастыря будет гораздо больше проблем, чем сейчас. Кроме того, на Ринпоче может ополчиться сама Лхамо! Она может наслать на него болезнь или даже лишить жизни!»

Прошло несколько дней, и все обитатели монастыря – как монахи, так и миряне – были созваны на общее собрание во дворе главного здания. На крыльце стояли три кресла, в которых разместились: Чокьи Лодро в середине, справа от него Кхенпо Джорден, а слева – Кхатог Геце Тулку. Первым говорил Кхенпо Джорден, но изъяснялся он так расплывчато и обтекаемо, что никто из собравшихся так и не понял, чего он, собственно, от них хочет. Следующим выступил Геце Тулку, но его речь была не более внятной, чем речь предыдущего оратора. Наконец слово взял сам Чокьи Лодро.

– Кхатог Ситу возвёл меня на трон как держателя линии монастыря Кхатог, – уверенно начал он. – И поскольку его больше нет среди нас, на меня возложена обязанность быть его регентом, а это означает, что монастырь Кхатог и всё, что здесь находится, – от золотого трона до самой последней сковородки на кухне – принадлежит лично мне. Другими словами, в этом конкретном монастыре я обладаю безграничной властью.

И вот что я решил: завтра на рассвете будет проведена тщательная инспекция каждого дюйма монастырской терри-

тории. И если где-нибудь будет обнаружена хоть одна женщина – пусть даже она сама является ламой или главой клана, нам придётся собственноручно выставить её отсюда. Поэтому для всех будет лучше, если до рассвета все женщины сами покинут стены монастыря!

Формально никто из собравшихся не имел права противоречить Ринпоче, и многозначительное молчание, которое воцарилось после его слов, могло означать только то, что все понимали, что его решению придётся подчиниться.

В ту ночь Цеджор долго не мог уснуть. В голове у него всё крутились одни и те же мысли: «Вот бы они все сами ушли! Вот бы ушли сами! А если они не захотят уйти по-хорошему? Если не захотят? Что же тогда делать Ринпоче? Что ему делать? Их ведь там целая толпа! Ринпоче может растеряться, и его авторитет будет подорван. А ведь ещё Лхамо может разозлиться и тогда наверняка покарает его!».

Перед рассветом следующего дня измученный тревогой Цеджор отправился совершать обход монастыря. Какое же облегчение он испытал, когда обнаружил, что через монастырские ворота тянулась вереница покидавших его женщин. На головах некоторых из них были жёлтые шапки, а те, что побогаче, гнали стада яков, дзо и лошадей, а также мулов, нагруженных поклажей.

Когда над горизонтом появились первые лучи солнца, Чокьи Лодро, Геце Тулку и Кхенпо Джорден, как Ринпоче и обещал, обследовали весь монастырь, включая внутренние

переходы и комнаты монахов, и не обнаружили нигде ни единой женщины. Восторгу Цеджора не было предела. Он расценивал деяние Ринпоче не иначе как великий подвиг. При этом Ринпоче даже лёгкой простуды не подхватил! Ах, как сильно он, Цеджор, ошибался, опасаясь, что Лхамо Гонле станет насыпать на Ринпоче болезни за изгнание женщин из монастыря!

УЖАС ОБИТАТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ КХАТОГ ПЕРЕД КХЬЕНЦЕ ЧОКЬИ ЛОДРО

На протяжении многих лет управляющим и казначеем монастыря Кхатог являлся Друппа Ригьял. Когда мы встречались с ним, то всегда вспоминали былые времена. По его словам, обитатели монастыря каждый раз ожидали прибытия Кхьенце Чокьи Лодро, как обычно ожидают шторма. Они говорили о Ринпоче как о «надвигающейся грозной силе» (такое же выражение в тибетском использовалось для описания вторжения Народно-освободительной армии коммунистического Китая), поскольку его власть над ними была абсолютной и беспрекословной. За раз наказаниям подвергались сразу по десятку монахов. Когда за проступок назначалась порка плетью, Ринпоче распоряжался, чтобы провинившиеся получали по четыреста-пятьсот ударов, а не по сто, как это было принято. Он лично следил за исполнением наказания из окна своей комнаты. Но справедливости ради сто-

ит упомянуть, что это был единственный метод, который понимали местные жители, которые славились своим буйным нравом и несговорчивостью. Более гуманные методы не оказывали на них никакого воздействия.

Не забывал Чокьи Лодро также следить за деньгами, которые были поднесены за регулярное выполнение монахами церемоний – как тех, что заказывали спонсоры, так и тех, которые определил для выполнения в своё время сам Кхатог Ситу. Он сразу же наказывал ответственных, если недосчитывался хотя бы одной монеты. Как рассказывают очевидцы, монахи Кхатог в те времена пребывали в шоке по поводу того, каким жёстким оказался «этот лама Чокьи Лодро».

Кхенпо Цултрим Ньима был в те времена одним из лам монастыря Кхатог. Он уже шесть лет являлся Великим тантрическим владыкой, когда Чокьи Лодро написал ему письмо с просьбой занять должность настоятеля монастыря Нетен. Все обитатели монастыря – от лам золотого трона до водоносов – буквально плакали от горя, когда он уезжал, поскольку он пользовался в монастыре всеобщей любовью. Однако они были твёрдо убеждены, что ни одно живое существо, включая божеств мира без форм и демонов, не в силах противиться воле Чокьи Лодро. Таким образом, Кхенпо был вынужден покинуть Кхатог и переехал в Нетен, где оставался до самой своей смерти.

Друбпей Ригьялу казалось весьма странным, что, когда Ринпоче находился в монастыре Дзонгсар, он вообще не

вспоминал про Кхатог. Ближе к старости он вообще перестал принимать какое-либо участие в делах этого монастыря. Он посещал Кхатог только изредка, и казалось, что, хотя сам он находится в монастыре, мысли его витают где-то совсем в другом месте.

ВКЛАД ЧОКЬИ ЛОДРО В РАЗВИТИЕ МОНАСТЫРЯ КХАТОГ

Гонгна Тулку рассказал мне множество историй, которые услышал непосредственно из уст самого Чокьи Лодро во время их личных разговоров.

Кхатог Ситу всегда отличался сильным устремлением сохранять и распространять Дхарму Будды и с большим энтузиазмом относился к традиции создания символов Будды – тханок, статуй и фресок. Ближе к старости он отдал распоряжение написать множество тханок, и когда Чокьи Лодро прибыл в Кхатог, то обнаружил, что из тех тханок, которые начали писать при Кхатог Ситу, около трёхсот так и остались не закончены. Он также заметил, что фрески Медноцветной горы и храма Шакьямуни выполнены некачественно и требуют доработки. В результате он принял на себя ответственность проследить за тем, чтобы работы над всеми тханками, статуями и фресками на стенах монастыря были доведены до конца, так же как и золочение статуй.

Гонгна Тулку как-то раз посетил летний дом на террито-

рии монастыря Кхатог, который назывался Ньенченпо, в котором помимо всего прочего находилась сокровищница монастыря. Он сказал, что обнаружил там всё, что было накоплено со времён Кхатога Дампы Дешега, что всё достояние монастыря было на месте. Более того, все ценности были в великолепном состоянии, и каждая из них была строго на своём месте. Сокровищница больше напоминала музей, чем обычный склад ценных вещей. Например, на одной из колонн висел головной убор, украшенный драгоценными камнями, какие обычно носили в Ладакхе, к которому была прикреплена бирка, указывавшая, что он принадлежал Другмо – жене Гесара из Линга. Если бы кто-то решил провести инвентаризацию всех ценностей, хранившихся в Ньенченпо, на это ушло бы несколько месяцев. Позже Ринпоче признался мне, что у него ушло три месяца, чтобы составить формальный список содержимого сокровищницы, когда он передавал управление.

Ринпоче также уделял много внимания сохранению и развитию учений. Например, вместе с Кхенпо Нганчунгом они учредили тантрический колледж.

Подытоживая всё это, можно сказать, что он служил монастырю Кхатог верой и правдой на протяжении пятнадцати лет.

ЖИЗНЬ НА ДВА МОНАСТЫРЯ

Я однажды спросил Цеджора, сопровождал ли он когда-нибудь Кхьенце Чокьи Лодро, когда тот посещал монастырь Кхатог. Выяснилось, что он действительно несколько раз ездил туда вместе с Ринпоче. Обычно Ринпоче посещал Кхатог в начале лета и оставался там до самого сезона дождей. В монастыре Дзонгсар, в комнате, где жил Ринпоче, находилась статуя Гур Махакалы высотой с пядь. Ринпоче говорил, что это была единственная вещь, которую он забрал с собой, уезжая из Кхатога. Позже он поднёс эту статую Янгси Кхатогу Ситуу.

– Я забрал эту статую обманом, – сказал он, – и поэтому теперь, когда я больше не нуждаюсь в ней, я хотел бы вернуть её обратно.

Затем он объяснил, что убедил последователей Кхатога Ситуу, что им не нужна статуя Махакалы, поскольку они являются последователями школы ньингма, и что она необходима ему самому, поскольку он последователь школы сакья. Он уговорил их отдать статую ему и хранил долгое время, но затем вернул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.